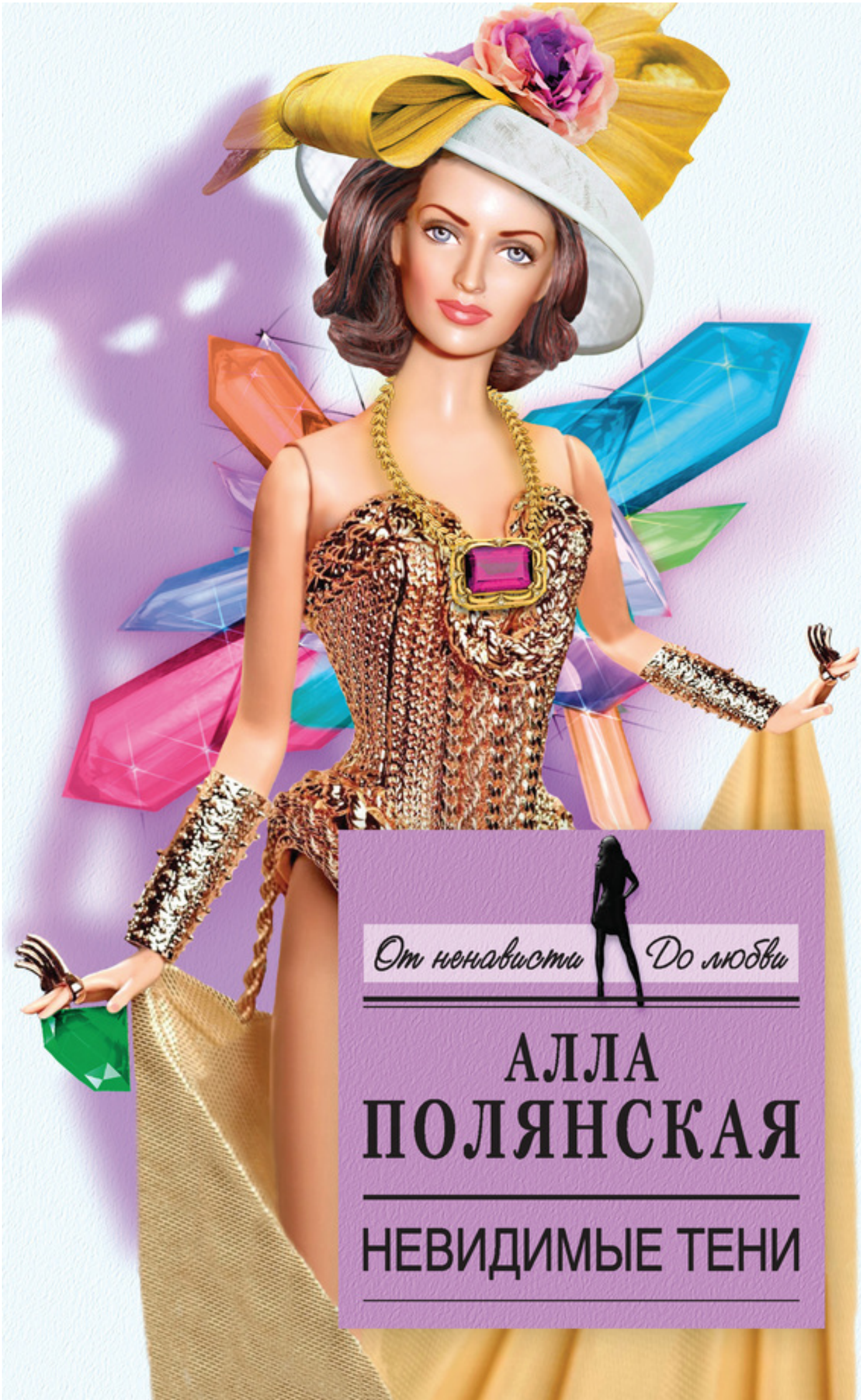

От ненависти *До любви*

**АЛЛА
ПОЛЯНСКАЯ**

НЕВИДИМЫЕ ТЕНИ

Алла Полянская

Невидимые тени

«ЭКСМО»

2015

Полянская А.

Невидимые тени / А. Полянская — «Эксмо», 2015

Никто не должен знать ее настоящее имя. Все считают ее дворничихой Майей Скобликовой, и это ее вполне устраивает – разве на дворников обращают внимание? У нее был реальный шанс скрыться от тех, кто преследовал ее и хотел убить только потому, что она встала на их пути к большим деньгам... Однажды утром, идя на работу, она обнаружила в песочнице нарядную фарфоровую куклу в смешной соломенной шляпке и прихватила ее с собой – чего только люди не выбрасывают! Сегодня вообще был необычный день – вскоре она нашла под детской горкой дорогую куртку, а возле скамейки добротный бумажник. Но главная «находка» ждала ее в мусорном баке: тело мужчины в светлой рубашке, покрытой пятнами крови...

© Полянская А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

1	6
2	12
3	20
4	30
5	39
6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алла Полянская

Невидимые тени

Copyright © PR-Prime Company, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Кукла лежит в песочнице. В картонной коробке с пластиковым прозрачным оконцем – фарфоровая кукла в смешной соломенной шляпке и клетчатом платье. Песочница почти пуста, даже коты не находят ее интересной, бортики проржавели и кое-где прогнили насквозь – коробка лежит в углу, и сквозь прозрачный пластик доверчиво распахнутыми глазами из нее смотрит кукла. Майя оглянулась – четыре часа утра, еще довольно темно, она всегда в это время приходит на свой участок, потому что никого нет, и весь участок принадлежит ей. Подняла коробку, отряхнула от налипшего влажноватого песка и спрятала в тележку – аккуратно под вениками, метлой и лопатой поставлен небольшой ящик – для находок. Откуда взялась эта кукла, Майя даже представить не может, но ей это и неинтересно. Выбросил кто-то, люди чего только не выбрасывают!

Она толкнула тележку, осторожно пробираясь между скамейками в соседний двор. Зябкое сентябрьское утро холодит нос и щеки, пальцам тоже холодно на металлической ручке облезлой тележки, зато колеса не громяют, Петрович сменил старые на тихходные, хорошо смазал их, и ее тележка идет практически бесшумно, особенно по голой земле. Майя достает перчатки – работать без них она не может.

Что-то темнеет под детской горкой – Майя оставляет тележку и идет в сторону лежащего предмета. Это куртка-ветровка – добротная, явно дорогая. Майя поднимает ее, осматривает – карманы пусты, ни бумажника, ни ключей, ни привычного мусора в виде фантиков, визиток и прочего. Еще раз оглянувшись, Майя кладет куртку на землю – вряд ли ее выбросили, может, вернуться. Протащив тележку мимо двух скамеек, она наступает на что-то. Наклонившись, поднимает бумажник – из хорошей кожи, увесистый. Хмыкнув, она прячет его за пояс джинсов и снова берется за ручку тележки – участок не ее, сегодня она случайно пошла этим маршрутом, ей захотелось отломить черенок красной герани, выставленной на лоджии первого этажа в соседнем доме. Черенок благополучно устроился в банке с водой в ящике.

Майя быстро уходит со двора, тащит тележку мимо гаражей, тесно прижавшихся друг к другу. Около мусорного бака она остановилась: из ближайшего супермаркета сюда часто выбрасывают просроченные продукты – это дешевле, чем их утилизировать. Майя знает, что немного просроченный йогурт, если его сразу подобрать, на вкус точно такой же, как и нормальный, а подгнившие бананы вполне съедобны.

Но сегодня здесь ничего нет. Майя подбирает пивную бутылку и кладет ее в тележку – тару можно сдать или обменять у бомжей на что-нибудь интересное: статуэтки, кукол, старые альбомы. Люди выбрасывают много чего, что вполне пригодится ей самой, а с местными бомжами у Майи договор – они приносят ей свои находки, а она платит за них либо бутылками, либо мелочовкой.

Из-под бака вытекла какая-то темная жидкость. Майя переступила через ручеек, брезгливо морщась. Что можно было выбросить, чтобы так текло? Ну, народ... Тележка грохнула, ударившись о бордюр. Майя чертыхнулась и, чтобы выровнять тележку, застрявшую колесом между двумя плитками, нагнулась, задев плечом бак, – рукав скользнул по чему-то мокрому и липкому.

– Вот, блин...

В серых сумерках она увидела, что рукав оранжевой вчера выстиранной куртки измазан чем-то темным. Вздохнув, Майя заглянула в бак.

Сначала она даже не поняла, что там – бесформенная куча чего-то светлого в каких-то пятнах, а потом просто не поверила своим глазам. На дне лежало тело человека, мужчины в светлой рубашке, темных брюках и кроссовках. Рубашка в темных пятнах – Майя поняла, что это кровь. И лужа под баком – тоже кровь, а бортик контейнера, видимо, измазали, когда тело

сюда сбрасывали. Майя рывком выдернула колесо тележки из щели в бордюре и поспешила в сторону своего участка. Она понимает, что рукав куртки, измазанный кровью, выдаст ее, а потому снимает ее, отстегивает рукава и прячет их в ящик для находок. Утренний холод сейчас очень кстати – нужно успокоиться. Майя делает несколько глубоких вдохов и ныряет в подворотню – все, она на своей территории и не опоздала совсем.

Ее участок – большой двор с клумбой и детской площадкой, по бокам которого стоят две пятиэтажки. В этих домах просторные светлые квартиры, и люди живут вполне состоятельные и благополучные. Они озаботились и соорудили забор, отделяющий их двор от остальных, вымостили плиткой дорожки и высадили цветы. Майе нравится ее участок – здесь не бывает блевотины и прочих биологических отходов – ворота в заборе на ночь закрываются на ключ, чтобы жильцы могли спокойно спать, не опасаясь за свои автомобили и целостность новеньких качелей и цветов.

Майя ставит тележку на детской площадке и принимается за дело. Прежде чем выйдут жильцы, ей нужно открыть ворота, чтобы машины могли выезжать и въезжать целый день, привести в порядок территорию, полить и прополоть клумбы, вымыть дорожки. Таков уговор – не путаться под ногами у спешащих на работу людей. Майя сноровисто метет двор, специальной шпатель собирает мусор, ссыпает его в совок и несет к мусорным бакам. Мусор с сухим шелестом сыплется на дно. Майя по привычке заглядывает в бак – на дне, присыпанная мусором, лежит голова фарфоровой куклы. Майя наклоняется и достает ее. Из-под мусора видно разорванное тельце, словно злой великан решил позабавиться. Кукла точно такая же, как та, что попала в Майе в соседнем дворе, даже платье на ней такое точно. Вздохнув, Майя бросает голову обратно в контейнер – она разбита.

Размотав шланг и включив воду, Майя моет дорожки. Осталась самая малость – детская площадка. Майя берет веник и совок – здесь работы немного: почистить урны и подобрать бумажки, да игрушку, если кто забыл, положить на столик посреди площадки, чтоб на виду была – выйдет утром малыш во двор погулять, а машинка его или зайчик – тут, в целости.

Майя достает из тележки маленькие грабельки и чистит песочницу. Листики, мелкие веточки, кошачьи экскременты – все это лишнее в песке, которым играют дети. Под скамейкой лежит яркая шапочка – Майя поднимает ее и кладет на столик. Туда же отправляется связка чьих-то ключей, которая обнаружилась под скамейкой у одного из подъездов, и серебряная зажигалка. Жильцы знают, что Майя никогда не присвоит ничего из найденного – когда-то, еще в самом начале своей работы, она нашла в песочнице маленькую золотую сережку, и та была в тот же день возвращена хозяйке. Майя тогда просто написала объявление и повесила его на столбике качелей. Молодая женщина, пришедшая за сережкой, долго благодарила ее, хотя, если судить по ее виду, могла бы купить таких сережек хоть ведро.

Они разговорились, и женщина, назвавшаяся Милой, предложила Майе работу. Два раза в неделю она моет подъезды этих домов по очереди – конечно, неофициально. Жильцы хорошо знают ее, и, случается, угощают всякими вкусностями. А бывает, что отдают совсем новые вещи.

– Здравствуйте, Майя.

Это Николай Николаевич, жилец из третьего подъезда того дома, что слева от калитки. Он всегда очень рано встает, и они видятся каждый день, а потому здороваются и, бывает, разговаривают. Николай Николаевич иногда угощает Майю всякими вкусными вещами, в последнее время это случается чаще. И он всегда очень пристально смотрит, но Майя знает: он не злой, этот пожилой подтянутый человек с седыми, короткостриженными волосами и внимательными карими глазами. Но все равно рядом с ним ей отчего-то тревожно, и она незаметным движением опускает челку на глаза.

– Доброе утро, Николай Николаевич.

– Мы с вами – ранние пташки. – Он щелкнул кнопкой на брелоке сигнализации, его блестящая большая машина бодро пискнула. – Кстати, вот – угощайтесь.

Он достает из багажника пакет и протягивает Майе. Внутри большая коробка конфет, упаковка печенья и пачка сока. Бросив шланг в клумбу, Майя снимает перчатку и берет пакет.

– Спасибо, Николай Николаевич. Балуете вы меня в последнее время.

– Девочки любят сладкое – у меня три дочери, уж я-то знаю. – Он добродушно смеется. – Вот и вас побалую, почему нет?

– Так то дочери...

– Ну и что. Вы же тоже чья-то дочь.

– Ну, разве что чья-то. Николай Николаевич, я там связку ключей нашла, не ваши ли?

– Где? – Он подходит к столику. – Не мои, но я знаю, чьи. Видите брелок с логотипом? Это Вострецовых, Денис Альбертович работает на фирме, которая выпустила эти брелоки в целях рекламы. Для клиентов – из какого-то сплава, а для сотрудников компании – серебряные. Вот сосед выйдет – отдайте ему. А зажигалка женская, кто-то из дам обронил.

– Все-то вы знаете, Николай Николаевич!

– Я старый уже, многое замечаю. Привык так жить, всегда пригодится – уметь замечать детали. Я вот о чем хотел у вас спросить, Майя. Только не обижайтесь.

– Конечно, Николай Николаевич.

– Вам тридцать лет, да?

– Тридцать два... почти тридцать три.

– А какое у вас образование?

Майя вздыхает. Ей совсем не хочется расспросов.

– Школа только. Потом в ПТУ училась на повара.

– И по специальности не работаете?

– Так не берут нигде в нормальных местах. Даже в заводской столовке только судомойкой берут, а я посуду мыть не хочу, и на завод не хочу, там только комнату в общежитии дают, да еще просить надо невесть как, и денег – копейки, а здесь сразу дали квартиру, хоть и маленькую, но свою. И заработать можно больше, если не воруеть и стараешься.

– Вы скоро три года у нас работаете, я все смотрю и думаю – вы можете и должны добиться большего. Откуда вы приехали?

– Так сразу и не скажешь. Отовсюду... Мы, детдомовские, кочуем туда, где дают жилье и заработок. Я сюда случайно попала – моя подруга по интернату, с которой мы вместе кочевали, три года назад умерла от рака. А буквально за полгода до ее смерти объявилась Танина тетка, нашла ее через запрос по Интернату – это Татьяна Васильевна. Танин телефон ей дала наша бывшая воспитательница, мы с ней связь держали – она была как родная. Ну вот – тетка искала Танюшку, а когда нашла, та уже болела сильно, приехать сюда не могла. Но они созванивались, общались... А потом Танюшка умерла, и я позвонила Татьяне Васильевне, что, дескать, умерла племянница ее. А она мне и говорит: приезжай сюда, не обижу и помогу, чем смогу. Я и приехала.

– Где умерла ваша подруга?

– В Суходольске, это городок такой, недалеко от Торинска, где интернат наш был.

– Далеко заехали!

– Мы там выросли, а в Суходольске последние два года жили, Танюшка тогда уже сильно болела, я одна работала в столовке кирпичного завода. А потом... Мне ведь идти некуда было – Раиса Павловна, воспитательница наша, тоже умерла – старенькая была уже. Родни у меня никакой, а как Танюшки не стало, так и вовсе... Вот и приехала сюда, а Татьяна Васильевна, спасибо ей, слово сдержала – устроила работать, квартиру мне выделили – да не ведомственную, в которой живешь, пока здесь работаешь, а потом как знаешь. Жилплощадь выделили из городского фонда помощи бездомным – уж не знаю, как она это пробила, – я бы еще поняла,

если б для Танюшки, она-то хоть родня, а я никто, а вот поди ж ты, такие люди душевные бывают. Ну, и я теперь здесь. Выучилась на маникюршу, скоро закончу курсы парикмахеров, а потом уж...

– Татьяна Васильевна – это главбух наш, в ЖЭКе?

– Да. А вы с ней знакомы?

– Конечно. Я в этом доме живу тридцать лет. Конечно, я знаком с Татьяной Васильевой. И мужа ее хорошо знаю, работали когда-то вместе. Ладно, я подумаю, что можно сделать. Кушай конфетки, девочка, что-то ты похудела в последнее время.

Николай Николаевич пошел к своей машине, а Майя снова взяла в руки шланг – вода серебристо блестит на утреннем солнце, лепестки цветов колышутся под падающими холодными каплями. Майя знает, что поливать много не надо, уже не жарко, земля за сутки так сильно, как летом, не сохнет.

Николай Николаевич открывает дверцу машины, а из соседнего двора слышится душе-раздирающий визг на высокой обморочной ноте. Майя снова кладет на бордюр шланг и смотрит на Николая Николаевича. Он закрывает дверцу и спрашивает у нее:

– Это что такое?

– Не знаю, Николай Николаевич. Там Светка работает, голос вроде бы ее...

Визг переходит в крик:

– Помогите!!!!

Майя, чертыхнувшись, закрывает воду и бежит в соседний двор. Она понимает, что если не сделает этого, будет выглядеть подозрительно, хотя ей совершенно не хочется снова увидеть то, что едва разглядела в утренних сумерках.

Светка, грузная грязноватая тетка лет сорока пяти, орет самозабвенно, не останавливаясь, обхватив голову руками, глаза вытаращены, а рот, в котором не хватает большей части зубов, широко открыт.

– Чего орешь, дура? Детей перепугаешь, спят же!

Майя толкает Светку между лопаток и сильно дергает за руку.

– Там!..

Майя отлично знала, что – там. Она направилась к баку, но Николай Николаевич опередил ее.

– Стойте, Майя. Не надо вам на это смотреть. Идите, работайте.

– А...

– Просто послушайте меня, девочка. Идите, работайте. Не надо вам этого видеть, и замешанной в это быть не советую.

– Как скажете, Николай Николаевич.

Майя уходит, в душе радуясь, что ей не пришлось при свете солнца видеть труп в баке. Нырнув в калитку, она прикрывает ее за собой, словно проводя границу между тем, что происходит там, и своим покоем, и снова включает воду – нужно успеть помыть скамейки, потому что в девять ей надо бежать на другую работу.

– Доброе утро, Майя.

Это Элеонора Петровна, элегантная, очень красивая женщина из первого парадного. Она ездит на синей «Мазде», у нее всегда красивые туфли и блестящие украшения.

– Доброе утро, Элеонора Петровна.

– Там кто-то кричал, или мне послышалось?

– Нет, не послышалось. Это Светка, дворник с соседнего участка, что-то нашла в баке, но Николай Николаевич велел мне не глядеть и отправил обратно. Так что я не знаю, что там такое. А Светка орала, бестолочь, как резаная... всех перепугала небось. Дети спят, опять же...

– Николай Николаевич велел не смотреть? – Элеонора Петровна нахмурилась. – Понятно. Майя, будьте добры, отнесите в бак пакет с мусором, мне просто некогда.

Пакет стоит у заднего колеса «Мазды», Майя поднимает его и несет к бакам. Элеонора Петровна несколько раз отдавала ей совершенно новые, с бирками, вещи – хорошие, дорогие, но по какой-то причине забракованные ее дочерью.

– Элеонора Петровна, я на детской площадке зажигалку нашла...

– Серебряную с гравировкой?

– Да.

– Ну, слава богу, а я думала, что вчера в ресторане на столике ее оставила. Майя, вам просто цены нет. Конечно, в «Вилла Олива» никто бы не присвоил, но ехать туда... Где же она?

Майя метнулась к столику за зажигалкой – рада-радешенька, что нашла хозяйку потерянной вещи. У Элеоноры Петровны слишком чистые туфли, чтобы ей идти к столику на детской площадке – песок, да еще и мокро, а Майе нетрудно.

– Вот, держите. Я так рада, что сразу нашла, чья вещь – ведь я находки всегда на столике оставляю, а зажигалка, наверное, дорогая, мало ли что...

– Спасибо вам большое. Эта вещь мне дорога как память – когда-то отец подарил.

Приветливо кивнув Майе, Элеонора Петровна садится в машину и заводит двигатель. Синяя «Мазда», мигнув огнями, выезжает со двора, Майя собирает шланг и прячет в специальный шкафчик, который запирает на ключ. У нее есть ключи от всех подъездов этих двух домов, и от чердаков, и от подвалов – так же, как от калитки и ворот в этом дворе.

– Доброе утро, Денис Альбертович.

Малышев, молодой и очень красивый мужчина, заметно торопится. Майя знает его жену – это та самая Мила, что устроила ей подработку.

– Доброе.

– Денис Альбертович, я тут ключи нашла...

– Ключи!

Малышев затормозил бег и наконец взглянул на Майю. Его невероятно синие глаза обрамлены длинными густыми ресницами.

– Связка?! Пять ключей и серебряный брелок на цепочке?

– Вот. – Майя протягивает ему ключи.

– Где вы их нашли?

– Под скамейкой около подъезда, подметала, а они там... Николай Николаевич сказал, что это, возможно, ваши, вот я и решила подождать...

– Спасибо. Как вас...

– Майя.

– Да, Майя, простите, никак не запомню, конечно же, Мила говорила... Вы меня просто спасли. Вы даже не представляете, что сделали. Видимо, ключи выпали из кармана, когда я вчера доставал сотовый, дурацкая привычка, знаете ли, все таскать в карманах... я вечером обнаружил пропажу, все перерыл, а они здесь! Вы меня спасли!

– Ничего такого. Нашла связку да подождала, чтоб отдать. Тоже мне подвиг...

– Погодите. – Малышев замешкался, шаря по карманам. – Вот... деньги, возьмите. Я очень признателен.

– Спасибо, не надо. – Майя подняла совок и уложила его на дно тележки. – Нашла – отдала, платить не за что. Удачного дня, Денис Альбертович.

Майя тащит тележку со двора, едва сдерживая слезы. Она и сама не знает, отчего ей хочется плакать – от обиды, хотя ничем ее не обидел этот красивый холеный мужчина, или просто от нахлынувшей вдруг жалости к себе...

– Я не встречал в природе жалости к себе,
Любая птица, коли с древа упадет, зачоченев от стужи, —
Не испытает жалости к себе.

Майя очень любит фильм «Солдат Джейн». Ей все равно, что его раскритиковали какие-то пресыщенные критики – этот фильм для нее как руководство к действию и утешение. Множество раз она смотрела его, и строки из Лоуренса, произнесенные шефом Аргайлем, всегда трогали ее до глубины души. Наверное, и Николай Николаевич, и Элеонора Петровна, и красивый синеглазый Малышев – все они страшно удивились бы, узнав, что ей известно, кто такой Лоуренс, но никто не должен слишком пристально вглядываться в нее. И все равно обидно почему-то. Не всегда, но сегодня...

На соседнем участке полиция оцепила мусорные баки, там суетятся люди. Светка что-то рассказывает полицейскому, Майя с удивлением замечает, что Николай Николаевич до сих пор там, стоит и разговаривает с каким-то человеком. Майя избегает смотреть в ту сторону, хотя и понимает, что если совсем не смотреть, это будет выглядеть подозрительно, и пусть на нее никто не обращает внимания, она старается вести себя так, как будто не знает, что там труп.

– Майя! – Николай Николаевич закончил разговор и направился к ней. – Уже закончили?

– Да. А что...

– Там? Человека убили, сбросили в бак.

– Бомжа, что ли? Я их тут почти всех знаю в округе.

– Нет, не бомжа. Вы плакали?

– Нет, что вы, Николай Николаевич! С чего бы мне плакать! Это я умылась из шланга маленько – пыльно очень, испачкалась. А ключи и правда Вострецовых. Денис Альбертович едва не подпрыгнул от радости, когда я ему их отдала.

– Ну, а что я вам говорил.

– Удачного дня, Николай Николаевич.

– И вот еще что, Майя. – Он дотронулся до ее плеча. – Мне нужен номер вашего телефона.

– Да, конечно.

Майя диктовала номер, мысленно прикидывая, сколько у нее есть свободного времени – и по всему выходило, что всюду она успевает. Простившись с Николаем Николаевичем, она пошла в сторону дома.

2

Квартира на третьем этаже кирпичного здания, которую ей выделил ЖЭК, расположена в нескольких кварталах от ее участка, и Майя преодолевает их очень быстро. Заперев тележку в подвале, она поднимается по лестнице. Куклу и банку с черенком герани она перегрузила в пакет с конфетами и печеньем, рассудив, что ящик привлечет внимание соседей, а пакет – нет.

«Хоть бы пятно отстиралось. – Майя прокручивает в памяти события этого утра. – Суматошные все сегодня какие-то. И растеряхи знатные. Ладно, пусть живут, как знают. Главное, я в этом не замешана».

Она входит в прихожую, запирает дверь изнутри на задвижку и с облегчением вздыхает. Она дома, можно расслабиться.

Этот дом был построен сразу после войны: две двухэтажные части, соединенные между собой аркой, над которой была пристроена башенка, там и располагалась ее квартира с отдельным чердаком и двускатной крышей. Пленные немцы отстраивали то, что разрушили, со всей тщательностью, присущей их нации, – даже бездарное руководство строительством не смогло испортить ровной, под линейку, кладки кирпича, абсолютно безупречных стен и прямых углов, выверенных с педантичной точностью. Правда, когда Майя въехала в эту квартиру, здесь царили грязь и разруха. Старый дом, давно требующий ремонта, четыре квартиры в подъезде – почти в каждой живут семьи с детьми и старухами. И эта однокомнатная халупа под самой крышей, как маленький остров ничьей земли. Третий этаж двухэтажного дома, что само по себе уже нонсенс, а тут одна-единственная квартира, и на лестничной клетке никого, и над головой только крыша и чердак, а под ногами – арка, а не квартира соседей. Но в тот день, когда Майя переступила порог своего будущего жилища, она увидела только пыль, мусор и грязь.

– Помещение нежилое. – Татьяна Васильевна вздохнула. – Тридцать лет почти никто здесь не жил, получердачное потому что. Зато теперь оно твое, не ведомственное, а именно твое, и ты его потихоньку приведешь в порядок, наши мастера помогут: я распоряжусь. И чердак тоже осваивай, остальные жильцы общим пользуются, а этот только к твоей квартире приписан. Помещение выделили тебе по городской программе помощи бездомным. А ты не зевай, работа дворником – это так, на первое время, иди на курсы какие-нибудь, нет денег – я тебе одолжу, получай нормальную профессию, не век же тебе дворы мести, молодая, неглупая, справишься. Ты моей Татьяне была опорой до последнего ее дня, считай, что я долг отдаю, устроила тебя так, как ее бы устроила, она бы этого хотела. Я Петровичу уже задание дала, сантехнику он тебе сегодня установит, без нее никак, начальник вчера еще подписал наряд, выделили ванну почти новую, смесители, а плитку газовую на неделю поставим, пока вот электрическая специально для тебя куплена, а в коробке набор кастрюль и чайник. Не благодари, это коллектив тебе на новоселье дарит, а от меня – вот, ложки-вилки, давай монету взамен, потому что здесь в ящичке и ножи имеются, а ножи не дарят, надо выкупать. Свет наши электрики проведут, и остальное тоже поможем. А сантехнику – это самое необходимое, так что прямо сейчас Петрович установит, он пока трезвый – руки золотые... а вот и он.

Петрович, местный сантехник, пожилой мужик с испытанным лицом, и вправду оказался мастером – золотые руки. Майя помнит, как странно выглядела среди столетней пыли и грязи белая сантехника и новые трубы.

– Ты, девка, не смотри, что не из магазина. Все снято мной лично из квартир восьмого дома, что под снос пошел, хранил на всякий случай, резерв всегда нужен, хоть и неучтенный, а, однако ж, не раз пригодился, за это начальник меня и уважает – за хозяйственность, значит. Ну а насчет качества не сомневайся, я фуфло не держу, разбираюсь, значит. Качество здесь такое, что куда там испанскому. У меня имущество это лежало в целости, только ради сиротства твоего отдаю, значит. Все сделал в лучшем виде, Васильевну уважил, опять же, а если надо чего

будет по моей части – обращайся, горемыка, чем смогу – помогу. Только водки мне никогда не давай, я в завязке. Даже если просить буду или ругаться – не наливай. Ну, бывай, обживайся.

Майя тогда до ночи отмывала грязные полы, обдирала клочья обоев, газет, выковыривала из щелей тряпки и вату. Мебели у нее не было, и первое время спала она на матрасе прямо на полу. Но это неважно, потому что это была точка отсчета. Новая страница.

Сейчас у нее вполне современная квартира. Белые стены, белые потолки, белые двери, белоснежные занавески, белая мебель и покрывало на тахте, сияющий паркет. Она сама все сделала, своими руками – постепенно, по сантиметру приводя в порядок стены, полы, потолок. Майе нравится ее квартира, хотя она многое еще хочет здесь изменить, но и то, что уже есть, ей по душе.

– Ну-ка вылезай.

Она достает из пакета коробку с куклой. На коробке надпись – Габриэль. Это, похоже, имя такое.

– Нет, дорогая. Имя не годится, как и платье. И вовсе ты не Габриэль, ты Луиза, и платье тебе нужно из кружев цвета слоновой кости и золотистой тесьмы, и шляпа нужна... с лентами. В общем, сегодня сооружу, найду только ткань подходящую. Той, второй, не повезло, кто-то разбил ее и выбросил, дикие люди, ей-богу. Не нужна тебе игрушка – вынеси к мусорному баку и оставь, кто-нибудь возьмет – так нет, надо испортить, чтоб никому не досталась... вот народ у нас!

Кукла доверчиво смотрит на нее синими глазами в длинных ресницах, ее рыжие локоны блестят, на фарфоровом личике застыла приветливая улыбка.

– Придумали тоже – Габриэль... Нет уж.

Отложив куклу, Майя вынимает из-за пояса джинсов бумажник, уже изрядно прилипший к пояснице.

– Так, что здесь у нас?

В бумажнике оказалось неожиданно много денег – две тысячи долларов, десять тысяч рублей, кредитные карточки, Майя режет их на мелкие кусочки и спускает в унитаз. Так же поступает и с бумажником. Коробку, в которой нашла куклу, и ее платье она режет на полосы и сжигает на кухне, открыв окно. Мало ли. Береженого Бог бережет. Никаких документов или визиток в бумажнике Майя не нашла и отчего-то рада этому.

– Он просто валялся на земле.

Если б она нашла бумажник в том дворе, который приставлена убирать, она бы ни за что его не присвоила. Но он валялся на земле на чужой территории, никаких указаний на хозяина в нем не было, и Майя поняла, что часом позже его подберет неряха Светка, и тогда две недели подряд ей, Майе, возможно, придется убирать и соседний участок – такое было уже, и не раз. Светка склонна уходить в запой.

Достав из пакета рукав от куртки, Майя брезгливо осмотрела кровавое пятно.

– Угораздило же...

Набрав в миску воды, она утопила рукав и налила пятновыводитель.

Запихнув рабочую одежду в стиральную машинку, Майя наскоро нырнула под душ, переоделась и пошла на кухню. Сварив какао, налила его в чашку, чтоб остывал, а сама запарила овсянку, добавила в нее ложку хрена и вздохнула – времени все-таки в обрез, а надо бы еще почту проверить.

Расправившись с завтраком, она вымыла посуду и убрала ее на полку, тщательно протерев все поверхности. Она любит, когда все сияет чистотой.

В почте оказалось письмо – два ее лота на интернет-аукционе нашли своих покупателей. Майя пишет им стандартные письма и закрывает программу, выключает компьютер и, схватив сумку, идет в прихожую. Через пятнадцать минут она должна быть на работе.

– Хорошо, что рядом.

Огромный супермаркет «Восторг» находится в трех кварталах от ее дома. Его желтые стены ярко выделяются на фоне городских домов, большая стоянка практически пуста – без десяти девять, народ начнет подтягиваться где-то через час.

– Майка, где ты бродишь!

Лилька, ее напарница, нетерпеливо подпрыгивает. Она студентка, подрабатывает здесь так же, как Майя, и они вполне ладят.

– Нормально, че. Как раз вовремя.

Майя переодевается в красную форму работника супермаркета, надевает бейсболку с большим козырьком – она нравится ей, потому что козырек скрывает лицо.

– Идем, там Анка шумит уже.

Они бегут в комнату для персонала, где старшая смены выдает наряды.

– Скобликова и Михайлова, вы на тележках, как всегда. Урны почистите в конце смены, только не забудьте.

Майя довольна, работа непыльная – собирать тележки, которые бросают на стоянке покупатели, и отвозить их обратно в супермаркет. В первой половине дня их не так много, и тут главное смотреть, чтоб никто не наехал на тележку своей машиной, но и это дело нехитрое.

– Все, идите работать.

Майя идет за Лилькой, мысленно подсчитывая время – освободится в час, надо успеть домой, посмотреть почту, если придут деньги, то отослать лот, прибраться в подъездах дома, что справа от клумбы, и успеть на курсы.

– Майка, ты чего скучная такая?

– Ничего. Сегодня в соседнем дворе в мусорном баке труп нашли, представляешь?

– Труп? – Лилька округлила серые глазищи. – Бомж, что ли?

– Да вроде бы нет. Я сама-то не видела, знакомый один сказал.

– Что творится... Вечером из института меня отчим забирает, знаешь? Мама боится меня вечером одну отпускать.

– А, ты говорила, что твоя мать замуж вышла.

– Ага, на старости лет. – Лилька хохочет. – И ребенка родила. У меня теперь брат есть, прикинь? Ему полтора года, шкодливый ангел.

Лилька принципиально не берет денег у матери и отчима – она говорит, что это добавляет ей личной свободы. А потому до обеда она таскает с Майей тележки, а потом сразу едет в институт – учится на втором курсе иняза, там занятия начинаются отчего-то после обеда. Когда они выходят из раздевалки, Лилька становится совсем другой – сразу видно, что она чья-то любимая дочь, и ее работа здесь – просто блажь, и никакой необходимости в ней нет, но каприз есть каприз.

– У матери есть две приятельницы, у них арт-кафе «Маленький Париж», была там?

– Нет, но видела.

– Обязательно сходи, милое заведение. Особенно рекомендую в Кошачий зал заглянуть.

– Кошачий зал?

– Ну, да. – Лилька нетерпеливо машет рукой. – Он украшен фигурками кошек. О, это нечто! Блин, Майка, смотри!

Толстая дама нагрузила тележку выше крыши и не может съехать с бордюра.

– Подождите, не дергайте!

Вдвоем с Лилькой они поднимают тележку и помогают покупательнице донести ее до машины без ущерба для соседних машин, уже заполнивших стоянку.

– Спасибо, девчонки. – Дама облегченно вздыхает, перегрузив в багажник последний пакет. – Вечно я набираю оптом...

– Приезжайте к нам еще! – Лилька улыбается в ответ. Она умеет вот так лучезарно улыбаться, словно все на свете хорошо, и люди тоже улыбаются ей.

– Так я тебе о чем рассказываю. – Лилька тербит ее. – Майка, ну ты меня слушаешь или нет?

– Да, конечно.

– То-то. Я говорю – у матери знакомые есть, хозяйки арт-кафе. Так с ними несколько лет назад история практически детективная произошла, как-нибудь расскажу – просто поверить трудно, если бы сама не видела, точно не поверила бы!

– Потом расскажешь.

Они разбегаются в разные стороны, и к концу смены тележки становятся неповоротливыми и тяжелыми.

– Скобликова, зайди в бухгалтерию, там где-то расписаться надо.

Анка, молодая и полная, словно вылепленная из ваты, что-то читает в документах. Она всегда разговаривает с ними, не отрывая взгляда от бумаг, и Майя в толк взять не может, что она там постоянно читает.

– Завтра зайду, некогда сегодня.

– Ну, смотри, чтоб завтра непременно, а то ведь карточки меняли третьего дня, а расписались за них не все.

Карточки – внутренние пропуска, дающие право на вход в служебные помещения и на скидку, если сотрудник что-то покупает. Скидка вполне ощутимая, и Майя ей всегда радуется. Но сегодня ей ничего не нужно, и она бежит на остановку – идти недалеко, но если проехать остановку, то экономится время, а его мало, как всегда.

Телефон подал сигнал – пришло смс-сообщение. Майя открывает его – один из покупателей уже перечислил деньги. Удовлетворенно хмыкнув, она выскакивает из маршрутки и бежит домой. На скамейке у подъезда сидит соседка с первого этажа – баба Рая.

– О, снова бегом. Что тебе неймется-то?

– Успею насидеться, баба Рая.

– Это да, успеешь. Старой ключей всегда успеешь стать, так что бегай, пока бегаются. Потом и захочешь побежать, да не сможешь.

Майя забегает в квартиру, наспех переодевается. В кладовой находит коробку с нужным товаром – она заранее пакует все предметы, выставленные на аукцион. Сегодня купили статуэтку «Конькобежка» и винтажный графин из розового стекла, и за графин уже пришли деньги. Звук эсэмэски подтверждает еще одну оплату.

– Очень вовремя.

Майя достает с полки коробку со статуэткой и ставит ее в пакет поверх коробки с графином. Открыв почту, она посылает на печать лист с адресами доставки.

– И охота людям этот хлам покупать...

Но бурчит она так, не всерьез. Она отлично знает, что для кого-то эти предметы, которые бомжи сносят ей за копейки, – вожаделенные экспонаты для коллекций. Она приводит их в порядок, делает фотографии и размещает на интернет-аукционе, у нее уже есть постоянные покупатели. Ее репутация как продавца очень высока, и Майя дорожит ею, а потому всегда тщательно упаковывает вещи, чтоб, не дай бог, не повредились при перевозке.

Сама она не любит ничего старого, но некоторые найденные вещи оставляет себе. Например, «Девушку с амфорой» – идеально сохранившуюся фарфоровую статуэтку, или книгу «Молдавские сказки» в коленкоровом переплете, с прекрасными иллюстрациями, вот и эта кукла, что нашла сегодня она, тоже поселится в ее квартире, потому что новая. Или старинное Евангелие, выброшенное кем-то в числе прочих старых книг из квартиры умершего старика. Майя любит, чтобы все предметы, окружающие ее, были в идеальном состоянии.

Кукла таращится на нее блестящими, осмысленными глазами, и Майя с нетерпением ждет вечера, чтобы сшить ей достойный наряд – где-то среди вещей, купленных по случаю с раскладок секонд-хенда, есть абсолютно бесполезная кружевная блузка – Майя купила ее

только из-за ткани, здраво рассудив, что ее можно будет на что-то перешить – вот и дождалась блузка своего часа.

– Кружев надо метра два и тесьмы золотой... не забыть бы.

Майя предвкушает вечернее удовольствие от пошива нового платья для Луизы, но вечер не скоро, а успеть надо много. Вздыхнув, она берет пакет, прячет в карман лист с адресами покупателей и выходит из дома. Бабы Раи на скамейке уже нет, и Майя рада этому, она не любит любопытных, а старухи в ее подъезде все как одна сладострастные сплетницы.

Пройдя под стеной дома, она ныряет в арку, уверенная, что никто из соседок ее не видел.

* * *

Николай Николаевич включает поиск в компьютере. Полицейская база для него закрыта, но можно потом попросить ребят поискать информацию, глядишь, что и выстрелит по старым делам.

– Так, что у нас тут?

Скобликова Майя Петровна... Ну, что ж, озвученная версия вполне совпадает с официальной. Но что-то не сходится, и, наблюдая за Майей, он чувствует смутное беспокойство – нет, не сходится никак. Ну, не выглядит эта женщина как дворник. У нее слишком правильная речь и ухоженные руки, и пахнет от нее совсем не так, как должно бы.

Николай Николаевич набирает номер ЖЭКа.

– Татьяну Васильевну, пожалуйста.

Знакомый голос главбуха звучит в трубке, и Николай Николаевич знает, что вытрясет из дамы информацию прямо сейчас.

– А что случилось, вы ею недовольны? – Татьяна Васильевна, видимо, готова защищать свою протее. – Майя очень старательная девочка.

– Наоборот, очень доволен. – Он добавляет в голос теплоты. – И потому хотел бы принять посильное участие в ее судьбе. Мне кажется, она способна добиться гораздо большего, чем уборка придомовой территории.

– И не говорите! – главбух враз оттаяла. – Это замечательная девочка. Я...

– Татьяна Васильевна, дорогая, мне бы хотелось более предметно пообщаться с вами. – Николай Николаевич посмотрел на часы. – Если я сейчас заеду к вам, вы сможете уделить мне полчаса вашего времени и рассказать все подробно?

– Конечно, заезжайте.

Кабинет главбуха крохотный и чистый. Сам ЖЭК, расположенный в полуподвальном помещении пятиэтажного дома, полон толпящихся в поисках правды жильцов, и кабинет Татьяны Васильевны похож на тихую гавань в бушующем море коммунальных рифов и страстей.

Николай Николаевич расположился на стуле для посетителей, и Татьяна Васильевна, дама лет пятидесяти, подала ему чашку с чаем. Приготовившись к худшему, он с удивлением обнаружил в чашке напиток, достойный английской королевы.

– На чае экономить нельзя. – Татьяна Васильевна приветливо ему улыбается. – Вы хотели поговорить о нашей Майе?

– Да, хотел. Наблюдая за ней, я сделал вывод, что она достойна лучшего, и собираюсь порекомендовать ее одному моему знакомому, он как раз ищет секретаршу. Хотелось бы убедиться, что мои наблюдения верны: девушка порядочная, чистолюбивая, старательная и неглупая.

– Все так. – Татьяна Васильевна отпила чаю и отставила чашку. – Я знаю Майю более трех лет, она стала опорой моей племяннице, когда та умирала, и я...

– Может быть, вы мне расскажете? – Николай Николаевич наклонился к собеседнице и посмотрел ей в глаза. – Мы с вами давно знакомы, и на мою скромность можете рассчитывать, мне бы хотелось как можно подробнее знать все детали.

– Это... это касается только меня, и боюсь, что я не готова...

– Я понимаю. – Николай Николаевич сделал вид, что поднимается. – Я никогда не вмешивался в то, что меня не касается, и понимаю ваши сомнения.

– Сядьте. – Татьяна Васильевна вздохнула. – Просто история не очень красивая, как и большинство семейных историй, но если это надо для Майи... Дело в том, что когда-то давно у меня была сестра. Она старше меня на четыре года, жили мы здесь недалеко, наш отец работал на Севере по вахтовому методу, росли мы с матерью. Потом я поняла, почему отец предпочитал жить где угодно, только не дома. Наша мать была... знаете, такой злой ведьмой, как в сказке. Я до сих пор не знаю, почему она так ненавидела всех вокруг, но мне казалось, что больше всех на свете она ненавидит меня и Лену. Теперь я понимаю, что мы просто были постоянно рядом, вот нам и доставалось больше всех. Когда отец бывал дома, еще как-то можно было жить, но когда он уезжал... В общем, это уже неважно. Когда Лене исполнилось девятнадцать, она забеременела. Конечно, матери она не сказала ни кто отец ребенка, ничего, но такое ведь долго скрывать невозможно. Все грянуло, когда отец уехал на очередную вахту. Мать избилась Лену, а потом выгнала ее из дома. Вот как была она в халате домашнем и босиком, в таком виде мать и вытолкала ее за дверь. Я бежала за ней, а сестра шла по улице – как сейчас вижу: халатик коротенький, волосы растрепанные – мать таскала ее за волосы по дому, – лицо в ссадинах, руки в синяках, а я бегу за ней, плачу, а мать кричит во всю глотку, мол, уходите обе и больше не возвращайтесь, шалавы. Вечер был, лето, тепло, мы переночевали в парке, а утром я проснулась – Лены нет, только записка: родится девочка – назову Таней. Я поплакала, а потом пошла домой к своей подруге, родители у нее золотые люди были и хорошо знали, что такое моя мать. Все знали, как потом оказалось... В общем, они приютили меня, купили мне к школе все, что полагается – я тоже ушла в чем была, но они ни с чем не посчитались, хоть денег лишних у них не водилось. Вот у них я и дождалась, пока отец с вахты вернется. Он где-то в море был, я ему ни позвонить, ни написать не могла, осенью вернулся, а тут такое. Бросился он Лену искать, только никто не видел ее, как в воду канула. Уж мы запросы давали в роддома, милиция искала – без толку.

– Кошмар какой-то... Татьяна Васильевна, я понятия не имел!

– Дело прошлое, Николай Николаевич, но без этого я вам ничего не объясню о Майе. В общем, отец тогда забрал меня и развелся с матерью. На суде она попыталась повести себя привычным образом, принялась лгать на отца такое... Он был очень спокойный, тихий человек и совершенно не мог ей сопротивляться. Да и никто не мог. Представьте себе постоянно действующий вулкан, день и ночь плюющийся огнем и раскаленной лавой, – это и будет моя мать. Она нигде на работе не задерживалась из-за своего характера. И на суде принялась за свое, судья-то знать не знал, что она собой представляет. Но за отца вступились все соседи. Пришли в суд, и судье пришлось их выслушать. Уж они ему порассказали! Я и подумать не могла, что они были в курсе всего, что происходило в нашей квартире, а оказалось, они все видели и понимали, но как вмешаться в чужую семью? А на суде людей прорвало, там скорее товарищеский суд вышел, чем обычный бракоразводный процесс. Конечно, родителей развели, отец уволился со своей вахты и поступил на наш сталеплавильный завод, ему там сразу квартиру выделили – он был очень хороший механик, таких специалистов тогда с руками отрывали и берегли. А через год папа женился на нашей новой соседке, вот она и стала мне матерью, которой я не знала до тех пор, брата родила... но все годы до самой смерти папа искал Лену. И ребенка, конечно же. Он так и не простил себе, что сбегал на дальнюю работу, оставляя нас с матерью – ведь знал же, какая она, а развестись боялся – опять же знал, что она будет творить на суде и нас не отдаст ему назло. Оно бы так и вышло, конечно, если б не соседи.

Люди тогда, знаете, были не такими равнодушными, как сейчас. А потом папа умер, и я продолжила поиски. У меня уже свои дети большие, я им о сестре много рассказывала и все время говорила: у вас где-то есть двоюродная сестра или брат. Но отчего-то думала, что девочку Лена родила, – вот даже не знаю отчего.

– Интуиция?

– Может, и интуиция, Николай Николаевич. Но больше, наверное, логика. Нас у матери было двое, и у меня две дочери. Думается мне, склонность рожать девочек или мальчиков бывает в семьях не редко.

– Это правда. – Николай Николаевич махнул рукой. – Уж как я сына хотел, а мне жена троих девчонок родила. И у ее матери только девчонки рождались, и у сестер ее тоже, бабье царство, в общем.

– Вот и я это заметила. И буквально несколько лет назад меня осенило: если у Лены родилась дочка, то она назвала ее Таней, как и обещала. И, возможно, девочка сейчас похожа на нее и на меня тоже. И я разослала по детским домам и интернатам фотографию Лены, одну из последних, и написала, что девочку зовут Таня. Не знаю, как меня осенило, будто на ухо шепнули. И что бы вы думали? Приходит мне письмо от воспитательницы Торинского интерната, она писала, что девочка на фотографии – ее воспитанница Таня Степанцова, она не знает ее нынешнего адреса в Суходольске, но телефон есть. И написала мне номер. Я позвонила, еще сомневаясь, трубку взяла девушка с голосом Лены. Я говорить не могла от слез, объяснила ей, кто я такая, она сначала не поверила...

– А что стало с сестрой?

– А Лена, оказалось, умерла родами, успев дать девочке имя и фамилию. Видимо, попала в роддом без документов, вот с ее слов и записали. Потом бы, конечно, все выяснили, но она умерла, и выяснять никто не стал, зачем? У Танюши в метрике Виктория Степанцова указана как мать. Видимо, Лена так назвалась, а в графе «отец» – прочерк. Вот потому мы не могли ее найти все эти годы! Не знаю, почему она так сделала.

– И вы поехали повидаться с племянницей?

– В том-то и дело, что нет. Она приехать ко мне не могла, уже тогда сильно болела, а я собралась, отпуск оформила даже. Меня Майя должна была встретить на вокзале, так мы договорились. Я хотела посмотреть, как там и что, и перевезти Таню к себе. Но в тот день по дороге на вокзал меня сбила машина – пьяный водитель, знаете ли. Я смогла перезвонить Танюше только через несколько дней, когда пришла в себя. Надо было слышать, как она расстроилась! Потом мы созванивались, общались – я лежащая, на вытяжке, две операции одна за другой, но с Танюшей связь боялась потерять, она привыкла ко мне уже, и много чего рассказала, и все у нее: а Майя... а мы с Майей... Майя работала, Танюшку лечила как могла, я им свой телефон и адрес дала, говорю: приезжайте, мы здесь, глядишь, Таню вылечим, все-таки Александровск – город большой, не то что Суходольск. А потом звоню Танюше как-то, а она трубку не берет. И день, и второй. Потом Майя позвонила мне и говорит: умерла Таня. И такое горе у нее в голосе, такая тоска! Они же с детства были вместе, только-то и родни у них, что они сами друг другу, а тут Майя осталась в целом мире одна. Вот я и говорю ей: приезжай, чем смогу – помогу. И через какое-то время она приехала. Глянула я на нее: она тощая, бледная, в куртенке-обдергайке, а уже холодно, рюкзачок у нее в руках с пожитками – всего добра, что барахлишко ветхое, ничего не нажила. Я к начальнику пошла и вот как вам, так и ему все обсказала. Он хороший человек, очень проникся, посочувствовал, и мы устроили Майю как сумели. Однако ж угол свой теперь у нее, и работа какая-никакая есть. А она девочка оказалась замечательная – честная, старательная, воспитанная, чистоплотная, а добрая какая! И умненькая, сразу видно, если б была у нее возможность, то смогла бы и институт окончить, и работать не дворником, а кем получше.

– Вот и я об этом. – Николай Николаевич вздохнул сочувственно. – Относительно вашей семейной трагедии – будьте спокойны, ни одной живой душе не расскажу о том, что услышал от вас. Насчет Майи я уже принял решение, постараюсь устроить ее получше, а там, глядишь, и с образованием что-то решим, поспособствуем.

– Спасибо вам, Николай Николаевич! Сироте помочь – дело богоугодное, а уж я как буду благодарна!

– Пока не за что, дорогая моя, пока не за что. Но спасибо, что доверились мне. – Николай Николаевич поднялся. – Пора, дела не ждут. Зато теперь я смогу рекомендовать Майю со спокойной душой. Вы не знаете случайно, она умеет работать на компьютере?

– Как же! – Бухгалтерша даже руками всплеснула. – У нее дома ноутбук есть, и здесь в конторе, если что зависнет, мы Майе звоним, если она может, то приезжает, всегда наладит, а то и по телефону расскажет, на что понажимать. И по-английски знает! Вот такая девочка!

– Надо же! – Николай Николаевич о чем-то задумался. – Это меняет дело в лучшую сторону. Надеюсь, смогу устроить ее на хорошее место.

Он выходит из здания, садится в машину и едет в сторону своего офиса, обдумывая услышанное.

– Нет. – Он уже принял решение. – Не сходится. Что-то здесь все равно не так. Вот дьявол...

Он развернул машину и поехал по улице, пересекающей трамвайную линию. Круглое здание бара «Козырная семерка» днем закрыто, но Николай Николаевич не смущается подобными пустяками. Для некоторых клиентов этот бар открыт круглосуточно.

Позвонив в дверь, он какое-то время ждет, потом дверной механизм щелкает, и Николай Николаевич заходит в полутемное помещение бара. Проходит через зал мимо стойки и идет в дальнюю комнату, над дверью которой горит светильник. Он уже бывал здесь, но сегодня пришел по довольно странному поводу, и это его нервирует.

3

Матвеев был зол на себя. И ладно бы в первый раз с ним такое приключилось, так ведь нет! Никогда у него не держатся в голове даты – он помнит дни рождения детей, родителей и Панфилова, запомнить остальное для него – задача непосильная. А тут еще свалился большой проект, который нужно разработать очень быстро. И хотя Матвеев подключил к разработке самых опытных сотрудников, дело пока продвигается трудно. Он-то уже видит, что нужно сделать, но этого мало. Ему надо, чтобы ребята тоже это увидели, только тогда они смогут сообща выполнить работу, только тогда творить будет каждый, а не просто механически проектировать то, что он им покажет. Но они пока ничего не видят, Матвеев подталкивает их к этому осторожно, зная, что они должны сами понять то, что понял он.

И когда вчера днем Ника, как ни в чем не бывало, позвонила ему и принялась вещать о каких-то подарках, большом медведе и ботиках со светящимися подошвами, Матвеев почувствовал себя скверно, потому что понятия не имел, о чем она щебечет в трубку, а по ее уверенному тону предположил, что должен знать, о чем речь.

– Макс, ты там что, завис? – Ника прервала свой монолог, не получив в ответ даже мычания. – Ты что, не помнишь?

Матвеев почувствовал, что его загнали в угол. Он начисто забыл о каком-то медведе и ботиках и в толк взять не мог, о чем вообще речь.

– Нет, Никуша, что ты. Просто я занят.

– Врешь, – безжалостно пригвоздила его Ника, и Максим понял, что сопротивление бесполезно. – Забыл, как всегда.

– Ника, понимаешь, тут у нас сейчас...

– У вас там всегда что-то и всегда – сейчас. Но то, что твоим крестникам завтра исполняется год, ты должен был помнить, дорогой мой брат и кум.

Но Матвеев забыл. То есть он, конечно, не забыл, что год назад стал крестным отцом двух рыжих голосистых младенцев – детей Сашки Панфилова, лучшего друга, компаньона и практически брата. Он потом целый год удивлялся, как быстро две крикливые обезьянки превратились в симпатичных ангелочков, очень активных и смысленных. Но то, что год им исполняется именно завтра, он начисто забыл. А ведь примерно недели две назад Ника что-то такое ему говорила... вот дьявол, говорила, точно, но ведь забыл же!

– Никуша, прости.

– То-то. – Она хихикнула. – Это муж меня надоумил. Позвони, говорит, Макс, напомни, он сто пудов забыл. Так и есть. Муж у меня – голова, пальца в рот ему не клади.

– Я бы свой точно не положил. – Матвеев рассмеялся. – Никуш, так что там с медведем?

– Я решила, что медведь нужен все-таки один, но самый большой, какой найдется. Я заказала в «Симбе», но привезут его только завтра, примерно в двенадцать, а мне еще – душа вон – надо забрать торт в «Восторге» и в то же время, в общем, хоть разорвись, не попрусь же я с тортом за медведем, муж завтра занят ужасно, а медведя надо забрать обязательно, но некому, ты же все равно приедешь, так заведи его, запиши адрес...

– Ника, не тараторь. – Матвеев вздохнул. – Я знаю, где находится «Симба», но мне совершенно неудобно туда ехать, и потому выдвигаю встречное предложение: я заберу в «Восторге» торт, а ты поедешь за медведем. Идет?

– Ладно. И правда тебе не с руки в «Симбу» тащиться, я как-то не подумала. Только имей в виду, за тортом надо приехать не раньше одиннадцати и не позже часа дня, иначе не видать нам его как своих ушей, лучшие торты в городе только в «Восторге», и если ты опоздаешь, они выставят его на продажу, а тогда уж только мы его и видели. Мне просто вернут деньги, а торт где искать? Так что не опоздай, пожалуйста.

– Что у них за идиотская система такая?

– Ничего не идиотская. Они готовят торт, и им хочется, чтобы он не пропал. Если за ним не приходят, значит, они старались зря – там людям не только деньги важны, но и качество. Это же не обычный торт, а трехэтажный, специальный, он уйдет, может, не так быстро – вот из этих соображений они сразу его ставят на продажу, чтобы продать в течение срока годности. А заказчику просто деньги вернут, и все. «Восторг» – лучший супермаркет, там все очень качественное, они за этим следят просто люто, ты там никогда не купишь тухлятину, можно любой продукт брать не глядя, именно потому они такие правила ввели. Так что не опоздай.

– Я обещаю тебе.

– Так-то лучше. Слушай, Макс, а ведь Лерке и Сашке тоже купить надо бы что-то. Родители как-никак.

– Ага, как-никак. – Матвеев хмыкнул. – Куплю Панфилову спиннинг, пусть на озере упражняется, если время найдет, а ты для Валерии что-нибудь сама придумай, я в ваших женских штучках не силен.

– Заметано. Имей в виду, если ты проворонишь торт, я... я не знаю, что с тобой сделаю.

– Никуша, ну чего я его провороню?

– Да знаю я тебя, снова заводишься на работе – и все, уйдешь в другое измерение, где нет жадных до вкусных тортов граждан, опоздаешь, и...

– Не опоздаю.

Это было легче сказать, чем сделать. С утра Матвеев только на минутку заскочил в офис с твердым намерением тотчас же сесть в машину и ехать в Александровск, но в проекте намечился прорыв, и он задержался, чтобы обсудить некоторые детали, а потом гнал машину по шоссе, думая о том, что Ника умеет быстро ездить, причем совершенно бесстрашно, а он нет.

В «Восторг» он влетел без пяти минут час. Окликнув кондитера, молодого тощего парня в белом халате и белом же колпаке, Матвеев объяснил ему, зачем приехал, и с облегчением вздохнул, когда парень, понимающе кивнув, скрылся за металлической дверью, ведущей в служебное помещение.

– Фамилия заказчика? – Парнишка решил проявить бдительность.

– Булатова, Ника Григорьевна Булатова.

– Понятно. Я как присмотрелся, сразу понял, что это сестра ваша. Похожи вы с ней. Очень позитивная у вас сестрица, мы тут, когда заказ принимали, обхохотались все. Она нам даже нарисовала торт и все, что хочет на нем разместить. Такая веселая барышня.

– Ну, теперь я уверен, что вы мне выдали именно наш торт. – Матвеев усмехнулся. – Она у меня такая, да.

Он поставил высокую коробку в тележку и, придерживая ее, осторожно повел на выход, на ходу соображая, как ему доставить эту конструкцию к месту назначения.

– Здравсьте, дядя Макс!

Матвеев поднял взгляд – девушка в форме работника супермаркета приветливо улыбалась ему. Где-то он ее видел...

– Я Лиля, дочь Ларисы Михайловой.

– Лиля! Конечно же, теперь узнал.

Все дело в бейсболке – эти нелепые кепки с длинными козырьками делают людей удивительно одинаковыми. Возможно, потому, что козырек скрывает лицо и ты видишь человека в форме, а лица не видишь вовсе.

– Это на сегодняшний праздник?

– Ну, да. Вот теперь думаю, как я его довезу.

– Здоровский торт. Небось Ника заказывала?

– А кто ж еще.

Торт и правда привлекал к себе внимание. Он украшен цветами, вокруг которых бродят кошки, наверху сидит рыжий полосатый котенок, придерживая лапой покосившуюся Эйфелеву башню. Или она накренилась, потому что Котофей решил ею поиграть? Только в голове Ники мог родиться такой замысел.

– Очень креативно. Майка! – Лиля даже подпрыгнула, оглядевшись по сторонам. – Майка, ты где?

– Здесь я, чего орешь?

Откуда-то из-за машин вынырнула худенькая высокая девушка в точно такой же бейсболке. Она толкала перед собой пять тележек, собранных паровозиком.

– Майка, иди сюда, смотри, какой приколот!

Девушка поставила тележки на место и подошла ближе. Бейсболку она надвинула на лоб, и виден был только маленький аккуратный носик и пухлые губы, красиво очерченные.

– Ух ты! Вот это красота!

– Майка, познакомься – дядя Макс... ой... ну, в общем. Дядя Макс, это Майя, моя напарница.

– Очень приятно. – Матвеев улыбнулся. – Да, торт красивый, но как его довести?

– А куда вам везти? – Майя рассматривала котенка, играющего с башней. – Как же это они его сделать умудрились? Наверное, как пирожное-картошку, а потом кремом покрыли. Далеко не довезете.

– Я и близко не знаю, как довести. Мне недалеко, на улицу Правды, но как?

– Мне почти туда же. Если вы подождете минут десять, я помогу вам – поставим коробку на заднее сиденье, вы поведете, а я ее придержу.

– Это выход. – Матвеев с облегчением выдохнул. – Вы меня очень выручите, Майя. Я подожду, конечно.

– Отлично. – Лиля просияла от удовольствия. – Я бы вам и сама помогла, но мне в институт надо. Пока, дядя Макс, встретимся на празднике!

Матвеев почувствовал себя как человек, который тонул, и ему в последний момент кто-то бросил спасательный круг. Все бытовые проблемы были для него неразрешимыми. Вот Димка – тот бы что-нибудь придумал, сын в свои двенадцать лет парень очень конкретный и здравомыслящий, а Максу все эти проблемы кажутся неподъемными. Проще спроектировать большое здание, чем решить, как довести трехэтажный торт к месту назначения. Кстати, а куда его везти? Матвеев вдруг понял, что Ника не сказала ему, где будет проходить мероприятие – а может, и говорила, да он забыл – короче, он понятия не имел, куда доставить это бисквитно-кремовое великолепие.

– Ника, я забрал торт, – сообщил он ей по телефону.

– Ой, Макс, тебе цены нет! Я тащу в машину этого гадского медведя, а он реально здоровенный, как мамонт... как два мамонта даже! И как я его...

– Ника, остановись. Ты мне не сказала, где все это будет происходить. Куда торт везти?

– В Озерное, Макс! Конечно же, в Озерное! В квартире все не поместится, а там два этажа уже совсем готовы, так что... Ой, как же ты его повезешь-то? Он упадет и раскрошится, а если...

– Успокойся. Доставлю как надо. Все, встретимся в доме.

Матвеев вдруг понял, что вполне может и не довести торт – он ведь сказал своей новой знакомой, что ехать недалеко, но Озерное – это совсем другое дело, сорок километров от города. Если у нее есть какие-то планы, то она не согласится ему помочь, и тогда торту хана, и ему тоже – Ника его попросту убьет.

– Ну, может, не убьет, но расстроится ужасно.

Матвеев вздыхает и начинает лихорадочно прикидывать, как уговорить новую знакомую помочь ему, и ничего креативного, кроме мысли насчет дать денег, ему в голову не приходит, а это, он понимает, в данном случае не очень хорошая идея.

– Все, я готова, едем?

Она переоделась в голубые джинсы и зеленую водолазку, поверх которой набросила такую же светлую джинсовую куртку, украшенную какими-то блестящими штуками. Бейсболка больше не скрывает ее лицо, зато она отрастила челку, за которой не видно ни глаз, ни лба, да еще надела дымчатые очки от солнца. Хотя солнце уже так себе – середина сентября как-никак.

– Майя, тут такое дело... – Матвеев не знает, как ему это произнести. – Оказывается, торт нужно доставить в поселок Озерное, а не на улицу Правды. Честно, я не знал, я думал, что... потом сестре позвонил, а они, оказывается...

– Это где-то час времени, учитывая городские улицы. – Майя вздохнула. – Тогда мне нужно заехать домой и кое-что взять.

– Конечно! – Матвеев с облегчением выдохнул. – А потом я отвезу вас, куда скажете! Простите, ради бога, это случайно получилось.

Майя улыбнулась. Что-то абсолютно детское проглядывает в этом крупном светловолосом мужчине – не то его синие глаза, растерянные и виноватые, не то волосы, растрепанные, светлые, кое-где уже с сединой, не то улыбка – открытая и искренняя. Майя не знает, почему помогает ему, но отчего-то взять и просто оставить его наедине с тортом ей и в голову не приходит.

– Поехали.

Они вместе грузят коробку на заднее сиденье большого серого внедорожника, Майя садится рядом и придерживает ее. Да, сам он довез бы эту конструкцию до ближайшей ямы на дороге.

– Как там, держится?

– Если придерживать, то все устойчиво. Вот здесь остановите, подождите меня немного, я скоро выйду.

Матвеев с интересом рассматривает дом, в подъезде которого скрылась Майя. Такой проект мог родиться только в результате прочтения рыцарских романов. Два капитальных двухэтажных дома, стоящих отдельно, зачем-то соединили вместе аркой и поверх нее угнездили, как башню, еще один – даже не этаж, а словно небольшой отдельный домик – с круглым балконом, полукруглыми окнами и круглым же чердачным окном, похожим на розу какого-то собора. Добавить к этому черепичную крышу, и получится башня, в которой живет Рапунцель.

– Главное, крыши домов давно перекрыли шифером, а там черепица так и осталась. – Матвеев ухмыльнулся. – Непонятно, зачем это вообще было сделано. Надо выяснить, очень любопытно.

Он нашел взглядом табличку с названием улицы и номером дома и, не надеясь на память, записал в сотовом. Ему интересно, кто, а главное – зачем, соорудил это чудо.

– Вот и я.

Майя открыла дверь машины и бросила на пол увесистый рюкзачок. Она успела переодеться – на ней другие джинсы, темные, и темная же куртка-ветровка. Никаких блесток, ничего яркого. Ее темные волосы собраны в пучок, но челка по-прежнему скрывает половину лица.

– Едем. – Матвеев завел двигатель. – Майя, вы меня очень выручили, не знаю даже, как вас благодарить!

– Не стоит благодарности, все мы люди. Бывают ситуации, вроде вашей – ничего смертельного, а решения нет.

– Да, именно! Смешно на первый взгляд, но моя сестра заказала этот торт, очень беспokoилась, а я...

– У вас праздник сегодня?

– Да. – Матвеев улыбнулся, и Майя снова подумала, что его улыбка очень искренняя и мальчишеская. – Моим крестникам исполнился год. Это дети моего лучшего друга и лучшей подруги моей сестры Ники. Кстати, вы, возможно, знаете их обеих, арт-кафе «Маленький Париж» им принадлежит. Вы там бывали?

– Не была, но знаю, где это, видела. Так вот почему Эйфелева башня! А котенок... На таких торгах обычно аиста изображают, малышеш...

– Это Ника, она большая выдумщица. Ее муж – директор стекольного завода в Красном Маяке, кстати, в супермаркете, где вы работаете, есть целая полка с изделиями этого завода. Чашки, вазочки и прочая стеклянная дребедень.

– Да, знаю. Красивые вещи там делают. У меня есть набор чашек со стрекозами и рыбками, с чайничком. Все время боюсь разбить – так нравятся.

– Это Ника делает эскизы для их дизайнерского отдела. – Матвеев осторожно объезжает изрядную яму на дороге. – Черт бы побрал эти ухабы... Ну, вот – ее подруга и компаньонка Валерия вышла замуж за моего друга и компаньона Сашку и год назад подарила ему двойню – мальчика и девочку. А мы с Никой стали их крестными родителями. Сегодня празднуем.

– Это тот поселок Озерное, что строится вокруг озера Синий Камень?

– Да. – Матвеев довольно улыбнулся. – Наша фирма выиграла конкурс на застройку, ну и, естественно, сапожник может ходить без сапог, но архитектор не может без собственного дома. Мы с Панфиловым тоже прикупили себе участки, и я сам проектировал наши дома. Но мой пока строится, а Сашка торопился – семейство увеличилось, детей стало втрое больше прежнего, и жить в городской квартире – хоть здесь, хоть в Питере – никак, дети должны расти на свободе и на свежем воздухе, но не в деревню же ехать. Вот где-то так. А вы чем занимаетесь, Майя?

– А допустить, что я просто работник супермаркета, вы не можете?

– Отчего же. – Матвеев снова улыбнулся, глядя на нее в зеркало заднего вида. – Вы там подрабатываете, очевидно. Но вряд ли это основное место вашей работы.

– Нет, конечно. Но я многим занимаюсь и просто теряюсь, что вам ответить.

– Что ж, когда решите, какое ваше главное занятие, скажете мне. – Матвеев осторожно вошел в поворот. – Как наш бесценный груз?

– Ничего, все нормально.

– Не знаю, что бы я без вас делал. Меня подобные проблемы повергают в беспредельное уныние, я совершенно не способен конструктивно их решить.

– Это бывает с мужчинами, не стоит так переживать.

– Да понимаете, смешно же, черт подери! Взрослый мужик, проектирую многоэтажные дома, жилые комплексы и прочее – и совершенно не могу решить, что же делать с этой трехэтажной конструкцией.

– Эту конструкцию нужно перевозить вдвоем. – Майю веселит досада Матвеева. – Один человек ее не перевезет никак. Это же очевидно.

– Похоже, вы правы. И мне повезло, что вы согласились помочь.

Матвеев осторожно повернул и выехал на новую, очень хорошую дорогу.

– Ну, все, конец моим страданиям, сразу наступила хорошая погода!

Майя невольно улыбается. Ее попутчик ничего не делает, чтобы рассмешить ее – а она улыбается, потому что он просто большой ребенок, немного нескладный, слегка растерянный и очень надежный. Она вздыхает. Такой мужчина не может быть один, а даже если он один, она и думать не должна ни о чем, потому что... Потому что нельзя.

– Приехали.

Машина въезжает в открытые ворота – кованые, закрепленные между двумя столбами, сложенными из гранитных плит – Майя отлично знает, сколько стоит подобное великолепие, и снова мысленно одергивает себя – все, проехали, забыли.

Особняк потряс Майю не своими размерами – не так уж он и велик. Два этажа и мансарда под двускатной крышей. Но этот дом единственный в своем роде, это Майя поняла сразу. И башенки, и большие окна, и терраса, и балкон второго этажа, снизу его подпирают колонны. Прочный, основательный – и вместе с тем легкий дом. И очень уютный.

– Это вы проектировали?!

Матвеев с улыбкой смотрит на Майю. Сейчас он рассмотрел ее лицо – большие зеленые глаза в пушистых ресницах, темные блестящие волосы, собранные в узел, длинная шея.

«Ей лет тридцать, может, чуть больше... хотя на первый взгляд кажется, что меньше. – Матвеев удивленно рассматривает Майю. – Необычное лицо, очень завершенное и запоминающееся. Зачем она его прячет?»

– Дом? – Он довольно улыбается. – Да, я проектировал, а строили другие. И до сих пор строят, на третьем этаже, то есть в мансарде, полным ходом идут отделочные работы, до холодов должны закончить. Через пару недель привезут деревья, мы заказали большие, чтоб они уже летом давали тень.

– Это... красиво и очень необычно. Просто восхитительно!

– Спасибо. – Матвеев и раньше много раз слышал похвалы, но отчего-то Майины удивленно распахнутые глаза радуют его невероятно. – Я хотел, чтобы это был дом, в который хочется вернуться.

– Но в итоге вы сделали дом, из которого не хочется уезжать.

Матвеев понял, что должен что-то сказать, но не знал, что именно. Эта женщина совершенно сбивает его с толку.

– Ой, ну наконец!

Майя и Матвеев повернулись на голос, и она стала рассматривать высокую женщину, одетую в синие короткие брючки и красную блузку. Милое улыбчивое лицо, длинные светлые волосы, небрежно забранные в хвост, тонкие лодыжки и тонкие запястья. Она отметила, насколько ее новый знакомый и эта женщина похожи друг на друга. Оба высокие, светловолосые, синеглазые, доверчиво улыбчивые.

– Ника, тут торт этот... куда его теперь?

– Макс, что значит – куда? В холодильник. Сможешь отнести, или я прикачу коляску близнецов, и мы его в ней перевезем?

– Тащи коляску, не хватало его на пороге уронить.

– Ты меня с девушкой познакомишь или дальше будешь столбом стоять?

– Да... – Матвеев смущенно закашлялся. – Ника, познакомься, это Майя. Она согласилась мне помочь привезти торт, иначе бы я не довез. Майя, это моя сестра Ника.

– Рада вам, спасибо, что помогли. Я-то думала, ты с Димкой будешь... – Ника улыбнулась Майе. – Димка – это его сын. А оказалось, что Димка только часам к шести приедет вместе с Пашей и Мареком. И я все думала – как же Макс его довезет... да, надо в коляску его... Мама!

Ее голос, звонкий и абсолютно девчоночий, слышно, наверное, на обоих полюсах, не только в доме.

– Что, Никуша?

Из дальнего окна выглянула женщина. Еще не старая, очень красивая, волосы повязаны косынкой.

– Привези нам коляску малышовую. Макс торт привез, а он здоровенный, тащить страшно, уроним.

– Здравствуй, Максим. – Женщина улыбнулась. – Никуша, я не могу, у меня как раз мусака допекается. Не дай бог, пригорит.

Чертыхнувшись, Ника исчезла в доме. Матвеев с улыбкой посмотрел ей вслед.

– Вы с сестрой очень похожи. – Майя огляделась вокруг. – Здесь будет красиво, когда стройка закончится.

– Да, участок отличный. Разобьют клумбы, посадят деревья, качели соорудим, песочницу и все, что полагается. Да, будет красиво.

В дверях показалась Ника с большой детской коляской, рассчитанной на близнецов.

– Как теперь его вытащить, чтоб не наклонить... – Майя прикидывает, как достать коробку из салона, и по всему выходит, что одному человеку никак. – Максим, вы с той стороны встаньте, я подвину вам коробку, а вы возьмете и сразу в коляску. Ника, вам надо с другой стороны с коляской встать, Максиму так будет удобней.

– Ты права, Майечка, вот умница какая, а я стою дура душой и сокрушаюсь, что никак мы его не вытащим, чтоб не уронить, а ты уже все придумала!

Они взяты с проклятой коробкой, боясь сделать лишнее движение, и наконец торт вышляется в коляске.

– Три ступеньки... – Ника сердито фыркает. – Надеюсь, этот торт стоит наших усилий.

– Надо коляску поднять. – Майя здесь в своей стихии. – Ника, мы держим торт, а Максим поднимает коляску.

Когда торт оказался в холодильнике, все трое облегченно вздохнули.

– Вот, матъегорастак, сколько с ним возни! Ну, к столу его повезу уже не я. – Ника пригладила растрепавшиеся волосы. – Идемте, медведя покажу.

Она именно так и сказала – идемте, и Майя поняла, что ее тоже приглашают посмотреть медведя. По-хорошему, ей нужно распрощаться с новыми знакомыми и вернуться в город, но как-то так получается, что она покорно идет за Никой в большую гостиную, где посреди комнаты в окружении коробок с подарками восседает огромный желтый медведь с добродушной мордахой и клетчатым бантом на шее. Топтыгин ростом метра полтора, и Майя представляет, какой он мягкий и как будут возиться с ним малыши.

– Ну, как? – Ника с видом победительницы смотрит на них. – Суперский медведь?

– Грандиозно. – Матвеев с любовью смотрит на сестру. – А Лерка что сказала?

– Она не видела еще, в этом же весь смысл – это сюрприз. Она с малышкой провела целый день, скоро приедет парикмахер, мама посидит с детьми, а мастер причешет нас, маникюр соорудит. В общем, будем чистить перышки. Еду уже доставили, но мамина мусака – ее шедевр, этого никто, кроме нее, не сделает.

Дверь открылась, вошла невысокая худенькая старушка. Приветливое лицо, улыбчивые светлые глаза – Майя чувствует тепло, волнами исходящее от вошедшей.

– Сынок, а я уже волноваться начала. Звоню Диме, а он говорит, что ты утром еще уехал, а тебе боюсь позвонить – вдруг ты за рулем...

– Да с тортом завозился, мам.

Матвеев прижал к себе женщину и чмокнул ее в макушку.

– Вот, познакомься, это Майя, если б не она, я не знаю, как бы доставил торт.

Старушка повернулась к Майе, ее приветливая улыбка обозначила ямочки на щеках.

– Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь. – Она протянула Майе ладонь с ухоженными ногтями. – Я Лидия Матвеевна, мама Максима.

Майя озадаченно пожала протянутую руку. Если та женщина в окне мать Ники, а эта – мать Максима, то получается, они не родные брат и сестра? Кузены? Но похожи, как две капли воды.

– Майя, ты не поверишь. У нас у каждого – свои родители, но мы все-таки родные брат и сестра. – Матвеев прекрасно понял смятение гостыи. – Идем, выпьем чаю с плюшками.

– Но...

– А потом я отвезу тебя, как обещал, куда скажешь, но если я сейчас не съем чего-нибудь, то по дороге умру от голода и жажды. Мам, там котлеток нет случайно?

– Вот разве что чисто случайно их там целая миска. И пюре есть. Идемте, дети, надо пообедать.

Майю ведут в столовую, усаживают за стол – она совершенно растерялась, а с ней разговаривают так, словно она здесь своя, словно она желанная гостья и ее присутствие в доме – нечто само собой разумеющееся. И обращение на «ты» после возни с тортом кажется совершенно естественным.

– Кушайте котлетки, дети. – Лидия Матвеевна гладит сына по голове, Майя отводит глаза. – Максим, угощай гостью.

– Мам...

– Спасибо, очень вкусно. – Майя только сейчас вспомнила, что не успела пообедать. – Котлеты восхитительные.

– Есть секрет хороших котлет, вам я расскажу. – Лидия Матвеевна лукаво подмигнула. – Когда фарш готов, нужно его отбить.

– Отбить?!

– Да. Набираете полные горсти и бросаете в миску. Чем дольше отбиваете, тем лучше котлеты. Лук трете на терке и добавляете вместе с яйцами, а чеснок, конечно же, не давите, а очень мелко режете и добавляете в фарш перед самой жаркой. Вот и весь секрет.

– Спасибо, я попробую.

Майя не знает, что говорить. Одно дело – просто здороваться с людьми и беседовать о погоде, другое – попасть в такой вот дом, где готовятся к празднику, где все друг друга любят, где непонятно, кто кому кем приходится, а в гостиной сидит огромный медведь, которого не видела хозяйка дома. И самой хозяйки пока не видно, а дух праздника витает в воздухе.

– Макс, надо шары надуть. – Ника разливает в чашки чай. – Потом, когда все соберутся, недосуг будет.

– Дети приедут и надуют, мне Майю надо отвезти.

– А разве она не останется с нами?! – Ника недоуменно смотрит на них своими синими глазами. – Майя!

– Мне и правда пора. Рада была познакомиться.

– Это никуда не годится! У нас тут торт, и... – Ника вдруг наклонилась, резко нырнув под стол. – Ну, конечно, как же я о тебе позабыла!

В руках у нее оказался крупный молодой кот, рыжий, очень откормленный, с нахальной хищной мордой, на которой топорщились роскошные усы.

– Уже примерился прыгнуть на стол. – Ника неожиданно целует кота между ушами. – Ууу, знатная зверюга! Но на стол прыгать нельзя, видишь, мы обедаем.

Майе становится ясно, что в другое время кот гуляет по столу, сколько хочет. Она заинтересованно смотрит на него, а он индифферентно повис у Ники на руках, только взгляд его зеленых глаз все такой же хищный и целеустремленный.

– Лерка просила не кормить его, он растолстел.

– Лерка ни хрена не понимает в котах. – Ника возмущенно фыркнула. – Если они с Панфиловым тощие, это их право, но морить голодом рыжего – это злостное котохульство и преступная халатность. Иди, малыш, я покормлю тебя. Отощал, изголодался, бедняжка, заморили голодом мальчика, волки.

Воркуя над котом, Ника опускает его на пол, и он, видимо, отлично зная, что это значит, бежит за ней.

– Ника, фарша ему не давай! – Матвеев тоже хорошо знает, что означает альянс с котом.

Ника возмущенно смотрит на него, повернувшись в дверях.

– Значит, тебе котлеток надо, а несчастному, умирающему от голода коту – шиш? Не ожидала я от тебя, Максим, такой бегемотской черствости. Три наряда вне очереди. Моешь посуду и вытираешь стол. Идем, мое золотко, идем, моя ласточка клыкастенькая, мое солнышко усатое, идем кушать.

Кот с победным мявом бежит за Никой, а Майя не может сдержать смех:

– Солнышко усатое! Это надо же такое придумать!

– Да, она такая у меня. Просто большое дитя. – Матвеев тоже хохочет. – Ты бы видела ее собственного кота! Она раскормила его невероятно, из крохотного заморыша выросла огромная и наглая до ужаса скотина, и Ника ему все на свете позволяет. Правда, к его чести, надо сказать, он очень культурный кот. Зовут его Буч, такой же, как этот – здоровенный, холеный и нахальный, только серой масти, дымчатый, в полоску. Веревки из нее вьет.

– Кошки – милые создания.

– Кто бы спорил. – Матвеев положил себе в тарелку добавки. – С детства люблю котлеты. Мама мне их в школу давала, так я почти все съедал сразу. Оставалась одна, и уж ее я ел с двумя кусками хлеба.

– Мама... – Майя осторожно смотрит на Максима. – Ты говорил, вы с Никой родные брат и сестра, а мамы у вас разные. Общий отец?

– Нет. – Матвеев задумчиво смотрит на нее. – И мать, и отец у нас общие. Просто они погибли, когда мы с Никушей были совсем маленькими, и так случилось, что нас разлучили. Мы почти не помнили друг друга, пока два года назад случай не свел нас снова, и тогда же выяснилось наше родство. Хотя я и не верю в такие случайности.

– Наверное, ты прав. Иногда что-то ведет нас по жизни, и события, кажущиеся случайными, определяют в дальнейшем твою судьбу.

Как сегодняшняя неразбериха с тортом, подумалось вдруг им обоим, и они, будто по команде, усталились в свои тарелки.

В столовую снова вошла Лидия Матвеевна, в руках у нее блюдо с выпечкой.

– Саша приехал, плюшек вот привез.

– А отец с ним приехал?

– Да, они вместе. – Лидия Матвеевна гладит плечо сына. – Кушай, Максимка, вид у тебя усталый.

– Работы невпроворот, мам. Проект трудный.

– Ну, потом-то отдыхать поедешь?

– Может, и поеду. Майя, ты ешь пирожные, а то сейчас налетят голодающие, ничего тебе не достанется. Потом поедем, не переживай.

– Нормально, я успеваю.

– Вот и хорошо.

– Что хорошо?

Стройная женщина с копной кудрявых рыжих волос вошла в столовую, и видно, что она чем-то расстроена.

– Привет, Лер. Что случилось, с чего шторм?

– Привет, Макс. Ничего хорошего. Эта курица, которую я наняла как парикмахера и прочая, прочая, прочая, – заболела. А позвонила она пять минут назад, и я уже не успеваю найти никого другого, и снова буду как Гаврош-переросток. Мне маникюр нужен и педикюр тоже, я с детьми никуда не могу вырваться, и даже если мастера домой пригласить, они ничего не дадут сделать. В кои-то веки полон дом нянек – и на тебе!

Она плюхнулась на табурет с расстроенным видом. Веснушки на ее лице делают Леру похожей на ирландку, и вся она, худая, стремительная и раздосадованная, очень нравится Майе. Может, потому, что ей вообще нравится этот суматошный дом, полный приветливых людей? Майя отпивает чаю и ставит чашку на стол. Нужно уезжать.

– Ну, вот посмотри, заусенцы!

Рыжая пытается отгрызть заусенец и снова расстраивается.

– Да ладно, Лерка, чего ты.

– Макс, ты не понимаешь. Ну, хотелось мне привести себя в порядок. Я ведь люблю следить за собой, люблю салоны, процедуры всякие... понимаю, что дети маленькие, но я, черт подери, расстроена.

– Может, я смогу вам помочь?

Рыжая, кажется, только сейчас заметила Майю.

– Как?

– У меня в машине рюкзак, там инструменты... для маникюра и всего прочего. Я курсы косметолога окончила и парикмахерские тоже через две недели заканчиваю. Я могла бы...

– Да? Правда?!

Рыжая даже засияла от неожиданно открывшейся перспективы.

– Лер, это Майя, моя знакомая. Она меня сегодня очень выручила с тортом.

– Она, похоже, сегодня исполняет роль ангела.

Майя смущенно улыбнулась и посмотрела на Матвеева.

– Там, в машине, рюкзак...

– Я принесу. – Макс отставил чашку. – Майя, Валерия права. Сегодня ты выступаешь в роли ангела.

Майя мысленно улыбнулась. Она не привыкла так близко общаться с людьми, но в этом доме, похоже, по-другому никак, и ее терзания никого не смущают просто потому, что никто их не замечает.

А еще есть Максим. Майя ловит себя на мысли, что не хочет уходить отсюда. Эти приветливые люди, тепло их улыбок, любовь, с которой они относятся друг к другу, не стесняясь проявлять ее, – все это непривычно. Словно она попала в сказку, которую долго придумывала для себя – но только это чужая сказка, и она в ней чужая.

А так хочется стать своей. Хоть где-нибудь.

4

– Попробуйте салатик.

В тарелке Майи оказывается целая гора овощей. Она поднимает взгляд на рядом сидящего добродушного мужчину с веселыми карими глазами.

– Это мексиканский салат, его Ника откуда-то сдернула, мы все его обожаем.

– Спасибо, я уже сыта.

– Ну так не годится. А как же торт?

– Я сейчас тоже об этом думаю. – Майя старательно поддерживает тон разговора. – Места для него не осталось.

– А это значит, что надо прогуляться. Или потанцевать.

Майя, вздохнув, берет за вилку. Танцевать она категорически не хочет, а прогуляться... Она не готова вести беседы, какие бы то ни было. И ей необходимо проверить свою электронную почту.

– Паша, отстань от девушки. – Матвеев садится рядом с ней на освободившийся стул. – Майя, не хочешь пройтись к озеру?

– Да, я бы посмотрела, спасибо.

– Так пойдем.

Он поднимается и подает ей руку.

* * *

Конечно, она задержалась. Сначала делала маникюр и педикюр Валерии, потом соорудила ей прическу. Подросшей Нике тоже понадобился маникюр, от прически она отказалась наотрез – махнув рукой, заявила, что смысла в этой затее нет в принципе.

А потом в комнату, где Майя практиковалась в мастерстве, ввалилась компания – Лилька, наряженная в какое-то немыслимое голубое платье, ее мать, строгая, застегнутая на все пуговицы врач Лариса Михайлова, и малыш в джинсовом комбинезончике, который сразу же перевернул миску с водой, – шkodливый ангел, да. И пока вытирали воду, он умудрился стащить ножницы и поцарапаться ими, подняв оглушительный рев... в общем, когда кутерьма рассосалась, Майя чувствовала себя так, словно на ней камни возили, и подросший Матвеев, сокрушенно качая головой, предложил ей прилечь на тахту в комнате для гостей.

Из разговоров она поняла, что Максим приехал один и что у него есть сын Димка, а жены нет, и это отчего-то ее порадовало. Она украдкой рассматривала Димку, но сходства с отцом не было никакого, и она решила, что он пошел в свою мать – а вот где она, Майе спросить было неловко. Но то, что Матвеев один, ее обрадовало.

И, конечно же, ее никуда непустили. Валерия нашла в своем шкафу немыслимой красоты кофточку, и Майя, приняв душ, переделась и причесала волосы. И чувствовала себя неловко за большим столом рядом с добродушным Пашей Олешко и Никиным сыном Марком, очень красивым парнем, который трогательно ухаживал за ней, предлагая разные кушанья, а потом вдруг сорвался с места и убежал куда-то вместе с Димкой, сыном Матвеева. И она узнала, что такое мусака – невероятно вкусное блюдо из мяса и баклажанов, запеченных в нежном соусе.

Майя почти выучила, кто есть кто в этой компании, запомнила имена и степень родства, но ей все время казалось, что это одна огромная семья – взрослые и дети с видимым удовольствием общались между собой, и было видно, что знакомы эти люди очень давно и связывают их годы прожитых вместе событий.

А еще на празднике была куча малышей. Годовалые рыжие близнецы Максим и Ника, виновники торжества, оказались самыми спокойными. Наевшись каши, они принялись тискать медведя, потом залезли на диван и уснули. Но был еще Лилькин брат Юрик, который, казалось, ни минуты не сидел на месте, и еще одна пара близнецов – беленькие синеглазые девочки примерно его возраста, такие же живые и непоседливые. Кто из них Тина, а кто – Лина, выяснить оказалось совершенно невозможно, хотя их мать, высокая красивая женщина, которую звали Ольга, уверяла, что они совершенно разные, их нельзя спутать. И совсем добило Майю появление еще двоих близнецов, как оказалось, старших сыновей Ольги – тоже абсолютно одинаковых, высоких, очень стильных и взрослых. Такого количества близнецов она никогда не встречала.

– Да, семейка у нас большая. – Матвеев посмеивался. – Ничего, все вырастут, причем очень быстро. А у тебя есть дети, Майя?

– Нет.

– Ну, конечно, ты так еще молода. Ты сегодня спасла наш праздник. Когда хозяйка дома чувствует себя неуютно – это не праздник, а Валерия днем была в отчаянии. Я давно не видел ее такой расстроенной. Ты спасла положение, и благодарность наша огромна.

– Не особенно она расстроилась, что ты...

– Она была очень расстроена, поверь мне, я знаю ее достаточно, чтобы судить об этом. Валерия весьма сдержанная женщина, это Ника – как шальной ветер, эмоции фонтаном, а Валерия – нет, она такая... очень закрытая.

– Они обе очень милые.

– Я знаю. Майя, надеюсь, мы не нарушили каких-то твоих глобальных планов? Потому что ты вот так вдруг попала в наш сегодняшний водоворот, а тут неподготовленному человеку сложно.

– Нет, Максим. Все отлично, и я рада, что осталась – давно так не отдыхала, и люди очень приятные.

– Да. – Матвеев вздохнул. – Мы одна семья, и это уже навсегда. Несмотря на то, что родством связаны только мы с Никой. Ну, детей не считаем. Хотя и они между собой общаются совершенно по-родственному. И малышни родилось в последние годы... ну, ты сама видела.

– Да. Удивительно даже: такие взрослые старшие дети – и вдруг – малыши.

– Так уж получилось, ничего не поделаешь.

Озеро лежит за густым рядом старых деревьев. Оно небольшое, заходящее солнце, позолотив верхушки елей, все еще плещется в гладком водном зеркале. Вокруг выступают из воды синеватые валуны. Видимо, от них озеро и получило свое название.

– Красиво. – Майя восторженно распахнула глаза. – Я и не знала, что тут такое... читала о строительстве поселка, но не подозревала, как здесь красиво.

– Да, места тут замечательные. От Москвы далеко, но расстояние что от Питера, что от Александровска до этого места почти одинаковое. И земля хорошо раскупается, а мы, когда делали план застройки, учли все нюансы, ни одно дерево не было уничтожено. Дома и улицы постарались вписать в ландшафт.

– Получилось отлично. – Майя вздохнула. – А твой дом где?

– На соседнем участке, за деревьями не видно, в следующий раз покажу. – Матвеев дотронулся до ее носа. – Да ты озябла! Все, идем в дом. Там уже, наверное, торт подают. Мы допоздна не засиживаемся – дети маленькие, устают.

Они снова вернулись в дом, где проснувшиеся рыжие близнецы удивленно таранились на трехэтажный торт.

– Ну, первый рубеж пройден. – Алексей, Никин муж, крупный симпатичный мужчина, произносит тост. – Год – это не просто так. Это год, когда они из несмышленишек превратились в осознанных граждан.

Осознанный гражданин в зеленом бархатном костюмчике умудрился ухватить краешек скатерти и потянул – торт угрожающе накренился, и Алексей, бросив бокал, удержал его от падения.

– Максим! – Валерия разжала толстенные цепкие пальчики ребенка. – Смотри, какая хорошая девочка – Ника. А ты?

– Видать, все-таки не судьба этому торту упасть. – Ника хихикнула. – Все, давайте его, наконец, порежем и съедем, пока снова что-то не случилось, никаких нервов уже не хватает сторожить его.

Она вооружилась лопаткой и ножом и стала накладывать ломти торта в протянутые тарелки.

– Майя! Где же Майя? – Никин голос выдернул ее из задумчивости. – Не зевай, вот, держи кусок, а то тут есть кому трескать торт, как примутся за него, ничего тебе не достанется, вы с Максом заслужили его попробовать, как никто другой. Столько мучений из-за него! В следующем году не буду я такой заказывать, ну его в пень. Столько волнений, а сейчас съедем, и никакого надрыва. В следующем году закажем просто большой... А лучше три – один большой и два поменьше, чтоб можно было составить их и получился один. И на большом – замок будет с башенками, на другом – озеро с кувшинками там всякими, а третий...

– Ника, остановись! – Валерия, хохоча, обняла подругу. – Мы этот еще не съели, а ты уже новый планируешь.

– Время быстро идет, Лерка. Смотри, Марек уже студент.

– Да. Но не слишком быстро, чтобы уж совсем незаметно выросли близнецы. Это был длинный год. Майя, как тебе торт?

– Спасибо, очень вкусно! – Она глотает тающий кусок безе. – Очень необычный.

– В «Восторге» все такое, что ни возьми – хоть десерт, хоть салат, хоть что. И всегда свежее. – Ника отложила лопатку и тоже взяла тарелку с тортом. – Ты должна обязательно прийти к нам в клуб. Арт-кафе «Маленький Париж» – на пересечении проспекта и улицы Сталеваров.

– Я знаю, где это.

– Ну, вот. Обязательно позвони мне, чтоб я была на месте, и я тебе покажу наше заведение. – Ника облизала ложечку. – Черт меня подери, Лерка, до чего же вкусный торт!

– Да, вкусный. – Валерия рассматривает Майю и веселится, глядя на ее замешательство. – Майка, не куксись. Ты теперь от нас никуда не денешься. К тому же маникюр ты делаешь отлично, и прически тоже.

– Я старалась. – Майя улыбается. – Мне хотелось сделать что-то такое... необычное.

– И тебе это удалось. – Ольга, высокая, в длинном струящемся платье, подошла совсем тихо. – Прическа очень тебе к лицу, Лера. И теперь я знаю, к кому обращаться, если мне будет нужен мастер. Майя, ты не против?

– Нет, конечно. Я, правда, визитки еще не заказала...

– Неважно, я запишу твой телефон. – Ольга оглянулась. – Где же сумочка?

– Оль, да я записала, потом тебе дам. – Ника берет Майину опустевшую тарелку. – У нас всегда так – налетим кучей, и все, пропал человек.

Они шутят, и Майе совсем не хочется уходить отсюда – так тепло ей среди этих людей, столько веселой кутерьмы, улыбок, дружеских шуток, детского восторженного визга, и... ощущение безопасности. Она вдруг поймала себя на том, что чувствует здесь себя в полной безопасности – а этого не случалось с ней уже очень давно.

– Мне пора уезжать.

Сказать это было непросто, но нужно – Майя понимает, что завтра снова на работу, снова день, полный забот, и кто знает, когда она освободится. Нужно уезжать прямо сейчас, пока

ощущение безопасности не проникло в ее сознание окончательно, потому что за пределами этого дома, без этих людей, все совсем не так. Там другая жизнь, и ей нужно жить одной.

– Ты прямо как Золушка. – Ника хихикнула и легонько толкнула ее в бок. – Линяешь в самый разгар бала. Давай завтра в городе пересечемся, поедem к нам в кафе, я тебя угощу нашими фирменными пирожными.

– Я... я не знаю. – Майе очень хочется согласиться, но она одновременно боится этого. Слишком близко, слишком опасно. – Я до пяти часов работаю, потом мне на курсы, если только после семи.

– Я тебе позвоню и заеду за тобой. – Ника совершенно не замечает ее смятения. – Идет?

– Да... хорошо. Спасибо.

– Макс! – Ника перекрикивает людей в гостиной, сделать это непросто, но ее звонкий голос перекрывает шум. – Макс, ты где?

– Никуша, ты так кричишь, что слышно даже в Питере.

– Макс, Майе нужно домой. Давай собирайся, отвезешь ее.

– Сейчас. – Матвеев смотрит на Майю с улыбкой. – Никуш, я сюда возвращаться не буду, поеду прямо к тебе, Димку тоже возьму.

– Димку мы с Лешкой привезем, дети что-то затеяли на озере, пусть оторвутся. А твои родители здесь ночевать останутся, комната есть свободная.

– Ладно. – Матвеев смотрит на Майю. – Готова?

– Там... рюкзак мой, и вот блузка... надо вернуть.

– Забудь. – Валерия с усмешкой смотрит на нее. – Я тебе ее дарю. Купила, соблазненная ее красотой, да только не идет мне она нисколько, а на тебе сидит словно влитая. Ника, надо бы тортика ей с собой положить и остального.

– Я тоже об этом думаю, Лер. Корзину бы найти...

– В шкафу под лестницей корзины были.

– Ага, точно. Ладно, подождите немного.

На слабые протесты Майи никто не обращает внимания. Ее снаряжают домой так, словно она едет не за сорок километров, а как минимум на Сахалин.

– Макс, корзинку донесешь до самой двери. – Ника поправляет брату воротник. – Майя, завтра я перезвоню тебе, не забудь.

– Да, спасибо.

Она усаживается в машину, где на заднем сиденье уже лежит ее рюкзак и стоит корзина с тортом и прочими вкусными вещами, которые Ника сочла нужным упаковать ей с собой. Майе неловко, но одновременно очень приятно, она отлично провела время, а что на курсы сегодня не попала – не страшно.

Матвеев ведет машину осторожно, вот только молчание немного затянулось. Он не знает, о чем говорить с этой женщиной, такой молодой и неожиданно незащитной. Он заметил и ее неловкость, и настороженность, ему хочется защитить ее, но вот от чего? От жизни? От врагов? Он ничего о ней не знает, и по какому праву?.. Но расставаться с ней он совершенно не хочет.

– Я видел твой дом. Забавная конструкция.

Это как раз то, о чем он может говорить с кем угодно, то, что ему всегда интересно.

– Да, мне тоже очень нравится. – Майя улыбнулась. – Но когда я туда поселилась, это была просто свалка мусора. Там много лет никто не жил. А я привела квартиру в порядок, теперь на очереди чердак.

– А что там?

– Тоже фактически свалка. Туда жильцы годами стаскивали хлам, который им было жаль выбросить, ну и накопилось за все годы под потолок почти. Я планирую все выбросить – правда, пока не знаю как. Понимаешь, в моем подъезде старухи в каждой квартире, они живут там с момента постройки дома – а если они скажут, что это их хлам... Не хочу скандала.

– Думаю, в этом вопросе я смогу тебе помочь – и с удовольствием помогу, если ты мне позволишь.

– Но как? Это же...

– Это ерунда. – Матвеев рад, что есть отличный повод снова повидать Майю. – Просто поверь мне на слово, и оглянуться не успеешь, как вместо чердака у тебя будет еще одна комната. Или что ты там хочешь соорудить.

– Я пока не думала. Надо для начала убрать оттуда хлам.

– Тогда не будем откладывать дело в долгий ящик, я сейчас донесу корзину до квартиры, мы поднимемся на твой чердак, и я сам посмотрю. Договорились?

– Да. Но... время...

– Это – мое время, и уж своему-то времени я полный хозяин.

Город уже зажег огни. Сентябрьские вечера обычно прохладны и пахнут влажным асфальтом, но длинные, как летом. Матвеев проехал дамбу, влился в поток машин на проспекте, потом свернул на бульвар и, проехав мимо ряда кафе и ресторанчиков, затормозил у дома с башенкой, въехал во двор и припарковался. Фонари желто-оранжевыми огнями освещали тротуар и машины, стоявшие рядом.

– Ну, идем.

Майя потянула с сиденья свой рюкзак, Матвеев взял корзину со снедью, закрыл машину и посмотрел на Майю. Она молча зашагала вперед. Они прошли под окнами высокого первого этажа, и Максим отметил, что его спутница старается держаться поближе к стене.

– Сейчас открою...

Она достала из кармана куртки связку ключей, пискнул, открываясь, электронный замок, и они вошли в освещенный подъезд. Майя стала очень быстро подниматься по лестнице, и Матвеев понял, что она спешит, чтобы не попасться на глаза соседям. Он молча стал подниматься за ней, отметив про себя чистоту подъезда и цветы на подоконниках.

К ее двери вела узкая лестница, и, ступив на нее, Макс почувствовал, как Майя расслабилась. Он молча удивился тому, насколько пребывание во дворе и на лестнице напрягает ее. Словно она чего-то боится. Но спросить он не мог, ему не хотелось показаться назойливым. Захочет – расскажет сама.

– Вот, проходи, пожалуйста.

Он переступил порог квартиры, где Майя уже зажгла свет. Ему еще днем было любопытно, какое же помещение может быть в этой странной башенке, но то, что он увидел, поразило его.

Квартира сияла. Передняя, довольно просторная, выкрашена в цвет слоновой кости, точечные светильники, расположенные по периметру потолка, дают уютный свет. На небольшом полукруглом столике у стены – букет каких-то желтых цветов, Матвеев не сразу понял, что цветы ненастоящие, настолько искусно они сделаны.

– Проходи в комнату, садись.

Майя говорит это из кухни, куда она унесла корзину. Матвеев снимает обувь и проходит. Ему интересна и сама комната, и то, как хозяйка ее обустроила. Много можно сказать о человеке, просто посмотрев, в какой квартире он живет. Матвееву интерьер всегда говорил о незнакомцах больше, чем внешность, одежда или слова.

Комната большая, с альковом, куда поместилась двуспальная кровать, застланная белым покрывалом, затканым золотистыми цветами, поверх которого таращится стеклянными глазами забавный ягуарчик. То, что это именно котенок, а не взрослый зверь, заметно сразу.

Сияющий паркет тоже явно старый, но отреставрирован идеально. На полу белый ковер с желтыми цветами, в кресле у стены сидит большая фарфоровая кукла в кружевном белом платье с золотистым пояском и золотистой сумочкой, привязанной к руке. Простенок занимают полки с книгами, и книги эти частично написаны по-английски, а те, что по-русски – старые

детские, или еще советские – Матвеев с удовольствием заметил среди них трехтомник Марка Твена и «Похождения бравого солдата Швейка» Гашека. Здесь же новое издание «Мастера и Маргариты» Булгакова. Остальные авторы ему ничего не сказали – Теккерей, Эмерсон, Китс, Рекс Стаут, Энн Райс, Лоуренс, Шолом Алейхем. Впрочем, о последнем он что-то слышал... Матвеев, читающий много специальной литературы, вдруг почувствовал себя необразованным дикарем.

– Ты все эти книги читаешь?

– Да. Эти книги я хочу иметь дома. – Майя вышла из кухни, неся в руках опустевшую корзинку. – Вот, забереешь сразу, чтоб потом не забыть.

– Майя, это мелочи. А вот квартира отличная. – Он рассматривает комнату. – Красиво у тебя.

– Спасибо, я старалась.

У стены стоит горка с посудой, тоже белая. Матвеев с удивлением рассматривал отлично сохранившийся чайный сервиз выпуска сороковых годов прошлого века, фарфоровые статуэтки советских времен, все в идеальном состоянии, несколько явно антикварных шкатулок, старинное Евангелие. Подойдя ближе и присмотревшись, он понял, что горка с полками – самодельная, и цвет ее подобран хозяйкой идеально.

– Это же...

– Я же говорила, что сделала все сама. – Майя вздохнула. – Если покупать или нанимать мастера, дорого получается, а если в Интернете посмотреть, то можно и самой научиться. Здесь только сантехнику и электропроводку делали специалисты, остальное моих рук дело.

– Все?!

– Да. – Майя улыбнулась, и Матвеева бросило в жар от ее улыбки. – Ничего сложного в этом нет, я в Интернете посмотрела, там много разных роликов, что и как делать. Хочешь, кухню покажу?

– Конечно.

Кухня выдержана в том же стиле, что и вся квартира – никакого модерна, только классика. Белый кафель с кантом из маков, белая занавеска, украшенная воланом из белого в маках шелка, белый эмалированный чайник, тоже в маках, и мебель цвета топлёных сливок.

– Красиво. Очень стильно, и вообще... Ты любишь маки?

– Люблю. – Майя тронула пальцем округлый бок чайника. – Это цветы, которые вянут практически сразу, как только их сорвали. Нет, есть более стойкие сорта, но они искусственно выведенные, а дикий мак, самый простой, – завянет у тебя в руке, только сорви его. Свободный цветок. Понимаешь? Не живет в неволе, не тешит взгляд своего убийцы. Хочешь им любоваться – дай ему расти на свободе, сорвал – все, красоту свою он тебе не отдаст. Ты понимаешь?

– Да.

Матвеев смотрит на тонкий профиль Майи, на ее длинную шею и понимает, что пропал – эта женщина, такая нежная и вместе с тем твердая, нравится ему, нравится настолько, что он сам себя боится. После смерти жены он никогда не смотрел ни на кого *так*. Случались краткосрочные романы, начиная которые Матвеев уже заранее знал, что закончатся они ничем, и никогда не знакомил своих любовниц ни с Панфиловым, ни тем более с Димкой. И вот – Майя. Случайная знакомая, встреченная на стоянке супермаркета, а он не хочет уходить от нее, не хочет отпускать. Но и давить нельзя. Она, как дикий мак, не выживет в неволе.

– Очень красивая квартира. Просто не верится, что ты все сама! Ты молодчина, Майя! Это я тебе говорю как архитектор и как человек, разбирающийся в таких делах. Ты не пробовала учиться на дизайнера интерьеров?

– Я думала об этом. Вот парикмахерские курсы окончу и, наверное, пойду на дизайнерские.

– Обязательно! У тебя талант.

– Да ну... – Майя смутилась. – Скажешь тоже.

– Я талант вижу сразу. – Матвеев едва удержался, чтобы не дотронуться до ее щеки. – Я в этом бизнесе не последний человек и совершенно определенно говорю: у тебя есть и талант, и творческая жилка, и отменный вкус. Тебе не стоит тратить свое время, таская тележки в супермаркете.

– Да? – Майя усмехнулась. – Ты не все знаешь. Ладно, идем на чердак, если хочешь посмотреть. Я же вижу, что тебе любопытно.

– Конечно, любопытно. – Он вздохнул. – Я еще днем рассматривал твой дом и удивлялся, до чего странная конструкция. Ума не приложу, зачем надо было такое чудо соорудить.

– Тогда погоди, я фонарь достану.

Майя взяла небольшой фонарик, щелкнула кнопкой, проверяя, исправен ли, – конечно же, он оказался в полной исправности. И проверяла она больше для порядка, к которому у нее, похоже, была просто маниакальная страсть.

– А ключи от чердака?

– Ключи у меня. – Майя открыла дверь и выскользнула на лестницу. – Погоди, дверь закрою.

Заперев дверь, она двинулась к пролету лестницы, ведущей на чердак. На двери висел старый замок, и были врезаны еще два, современных. Зачем навешивать огромный амбарный замок поверх двух врезных, непонятно.

– Эти два я врезала сама. – Майя сняла замок и положила его на пол. – Чтоб дать понять здешним обитателям, что на чердаке им больше нечего ловить – у них есть общий, вход туда в соседнем подъезде.

– Так здесь всего четыре квартиры.

– Да. – Майя вздохнула. – И четыре старухи, которым сутки напролет нечего делать. Дети-внуки кто на работе, кто на учебе, сходятся под вечер, а эти целыми днями дома. Вот они и маются дурью между просмотрами сериалов. Уж ты поверь, я у них как под микроскопом. Входи. Пыльно тут, правда...

Скрипнув, дверь подалась, и Матвеев вошел. Свет фонарика выхватил из темноты какие-то ящики, подшивки старых журналов, сломанные стулья, в углу – шкаф с треснувшим зеркалом. Пыльно, душно, как и полагается быть на чердаке, старые балки, еще вполне крепкие, в паутине, но, даже несмотря на хлам, Матвеев понял – отличное помещение, и его можно соединить с квартирой внутренней винтовой лестницей.

– Если все это выбросить, поменять черепицу, вот здесь сделать окно, то получится отличная мансарда. – Матвеев с интересом рассматривает старый сундук. – Что там, внутри?

– Тряпки какие-то. – Майя вздохнула. – Я боюсь, что старухи заявят на все это права, и как тогда?

– Если заявят – отдадим, пусть забирают. – Матвеев взял у нее фонарик и навел на балки. – Крепкие, хоть и дерево... а здесь можно укрепить, и потолок если подвесной... а можно и так оставить, сделать в стиле старинного замка... нет, плохо, не будет сочетаться с помещением внизу, надо закрывать.

– Макс?

– В общем, я так это вижу. – Матвеев снова оглядел помещение. – Хлам выбросим, это дело недолгое. Черепицу надо менять, коммуникации протянем, не проблема. Можем сделать что-то типа будуара, а внизу будет гостиная: вместо кровати поставишь стол, например, шкафы для книг или же обеденный стол и стулья... в общем, что-то такое. А здесь будет спальня, большая. А можем оборудовать что-то типа спортивного зала, если хочешь.

– Нет, не хочу.

– Тогда однозначно спальня с ванной. Лестницу подведем снизу, из квартиры, а эту дверь уберем совсем. Потолок будет чуть ниже, чем внизу, но не особенно. Окна сделаем по типу мансарды – с двух сторон. Посмотрим, как лучше.

– Звучит отлично. – Майя вздохнула. – Только...

– Все, детали обсудим не здесь. Душно, давай спустимся, я увидел все, что хотел.

– Ага. Идем, надо руки вымыть, пылища.

Она открывает дверь, Матвеев выходит и наблюдает, как Майя тщательно запирает чердак.

– Замок-то огромный...

– Старый потому что. – Она запирает замок. – Но от него ключи есть у всех жильцов, а вот от этих двух ключи только у меня. Идем, грязно здесь и вообще...

Майя открывает дверь в квартиру и идет в кладовую – возвращает на место фонарь и оставляет где-то там связку с ключами.

– Хочешь чаю?

– Чаю? – Матвееву просто очень не хочется уходить. – Да, пожалуй что, и чаю.

– Ванная – там.

Ванная комната большая и чистая, как стерильная. Стены выложены кафелем, цветные вставки с тропическими рыбками и камышом создают ощущение простора. Белоснежная ванна, зеркало сияет, отражая свет.

– Красиво.

– Я старалась. – Майя улыбается. – Пришлось потрудиться, конечно, но результат того стоил.

– Ты и это сделала сама?!

– Конечно. – Майя улыбнулась. – Ты так смешно удивляешься. Идем чай пить, там торт Ника положила очень кстати.

– Нет, уволь, я обойдусь без сладкого. – Матвеев входит в комнату. – Вот, смотри: здесь можно пробить потолок и соорудить винтовую лестницу наверх. Декоративные кованые элементы, деревянные перила – будет красиво. А там, где сейчас кровать, можно сделать еще одно окно и поставить обеденный стол, стулья, буфет уголком, в том же стиле, что и...

Внизу слышится дикий крик – кричит женщина так, словно ее жизни лишают.

– Это кто-то из старух. – Майя смотрит на Матвеева округлившимися от страха глазами. – Надо посмотреть.

Она шепчет, ухватив его за руку, и он инстинктивно обнимает ее за плечи.

– Надо.

Слышно, как в подъезде захлопали двери, крик прервался, слышны голоса, шаги, в дверь Майи кто-то громко стучит, и Матвеев чувствует, как ей не хочется открывать, впускать в свой мирок то, что ломится в него извне. Он отчего-то понял только сейчас: вот эта башенка – ее крепость, ее мир, который она сама создала для себя, чтобы отгородиться от всего, что снаружи.

– Я открою. – Максим решительно отстранил ее от двери. – Майя, что бы там ни было, я не оставляю тебя наедине с этим. Я не уйду.

– Почему? – Она шепчет, глядя на него потемневшими глазами. – Ты ничего мне не должен.

– А просто так. Стой здесь, я сам открою.

Матвеев щелкнул замком, и стук прекратился. В открытую дверь видна сухонькая старушка с растрепанными волосами, одетая в синие тренировочные брюки и голубую футболку. Увидев его, она отшатнулась и прикрыла рот ладонью.

– Что случилось?

Матвеев закрыл собой дверной проем, отгораживая Майю от старухи.

- А... – Бабка от неожиданности попятилась. – А хозяйка где?
- Подожди, Макс. – Майя протиснулась мимо него и вышла на лестничную клетку. – Маргарита Леонидовна, что случилось?
- Раиса труп нашла в подвале.
- Труп?
- Ну, да, спустилась вниз, говорит – хотела банку варенья из своей секции достать, а она и лежит там...
- Кто?
- Женщина. Дворничиха, что соседний двор прибирает. Ты ее знаешь.
- Светка?
- Ну, да, Светка. Лежит, значит, прямо там. Вот я и...
- Так полицию надо вызывать, а не в чужие двери ломиться. – Матвеев возмущенно фыркнул и, взяв Майю за плечи, подтолкнул ее в квартиру. – Идем, малыш. Вы полицию вызвали?
- Вызвали. Но я же должна всех оповестить. А то ведь скоро полиция прибудет, а жильцы спать улягутся.
- Майя пока спать не собирается.
- Конечно, нет. Ведь вы, молодой человек, с ней пришли. – Соседка внимательно оглядела его. – Вот я и подумала, что...
- Напрасно. – Он в упор посмотрел на старуху, и она отвела глаза. – Полицию вызвали – и все, больше никаких телодвижений. Всего хорошего, мадам.
- Конечно же, старуха придумала удобный повод, чтобы получше его разглядеть. Матвеев понимает это, как понял и то, отчего Майя так торопилась подняться по лестнице. Скучающие бабки кого угодно доведут до состояния перманентной паранойи.
- Идем, чай допьем – остыл уж небось. – Матвеев подтолкнул Майю в кухню. – Сейчас только Нике позвоню, а то они с Лехой меня уже потеряли, поди.
- Но телефон ожил сам, и из него послышался звонкий возмущенный голос:
- Никуша, ну дай же мне сказать...
- Матвеев кратко описывает случившееся, а Майя думает о том, что вся эта шумиха очень опасна для нее. И мужчина, который вот так просто закрыл ее собой от опасности, пришедшей извне, опаснее втрое. Потому что он очень ей нравится.
- Слишком близко. Слишком опасно.

5

– И вы ничего не видели и не слышали?

Молодой лейтенант, усталый и раздраженный, страшно недоволен всем вокруг и не скрывает этого. Майя, сбегав домой за паспортом, сидит на кухне у Маргариты Леонидовны и следит, как лейтенант пишет протокол.

– Нет. Мы приехали около восьми часов вечера, сразу поднялись в квартиру...

– А где вы были до этого?

– В Озерном, в гостях. – Майя понимает, как для лейтенанта дико звучит ее признание, учитывая, что в графе «место работы» стоит запись – дворник.

– Вот как? – Лейтенант насмешливо шурит. – И у кого же?

– У Валерии Панфиловой. – Майя смотрит за окно, где сквозь еще густую листву желтеет фонарь. – Я была там почти весь день.

– И это кто-нибудь подтвердит?

– Да. Сама Валерия, ее муж, Александр Панфилов, а также доктор Круглов и его жена и Максим Матвеев, с которым я приехала домой, и еще с десятков человек, которые там были.

– Ладно, проверим. Можете идти.

Майя забирает паспорт и выходит из кухни. Матвеев ждет ее у двери. Ей совершенно не хочется, чтобы он уезжал, но завтра с утра нужно идти на службу. И как объяснить ему, почему она работает дворником? Ему – успешному, богатому, пришедшему из мира, где люди строят дома в поселках у озера. Как объяснить – и не солгать при этом? Да никак. Лгать не хочется. Слишком много было в ее жизни лжи, чтобы врать еще и Матвееву.

– Ты как? – Он берет ее ладонь. – Майя, что он у тебя спрашивал?

– Спрашивал, где я была, когда вернулась, и все такое. Макс, я знаю, что тебе пора домой, и...

– Майя, своему времени я хозяин. Идем домой, на тебе лица нет.

Ему хочется обнять ее, прижать к себе и не отпускать. Но она такая холодная и отстраненная, ее лицо превратилось в неподвижную маску, и челка снова скрывает глаза. Она словно отгородилась невидимым щитом от всех, и от него тоже. Это снова девушка из супермаркета – и хотя на ней нет бейсболки, он не видит ее лица, не чувствует, что она рядом, потому что она выстроила прочную стену, сквозь которую не пробиться.

– Макс, ты... ты езжай домой, правда. Твои ждут, а я...

– Я проведу тебя в квартиру и уеду, если выгонишь.

Они молча поднимаются по ступенькам к двери, обитой дубовым шпоном. В квартире горит светильник, и Матвеев еще раз поразился, насколько просто, элегантно и продуманно все устроила хозяйка. Глядя на ее тонкие руки, он представить не может, что она сама все сделала, но понимает в то же время, что она сказала правду, да и незачем врать в таких вещах, могла бы и вовсе ничего не говорить. Нет, это была гордость художника за свое творение. И это тем удивительнее, потому что такие разнообразные отделочные работы одному человеку выполнить сложно, особенно женщине – а вот поди ж ты.

– Так ты знала убитую? – Матвеев усаживается на кухонный табурет и смотрит на Майю, которая застыла у окна, зябко обняв себя за плечи. – Майя!

– Да, знала. Дворником работает... работала. В соседнем дворе.

– Дворником? – Матвеев попытался вспомнить, как выглядит дворник в его дворе, но не смог. – Откуда ты ее знала?

– Да все просто, Максим. Я ведь и сама по утрам работаю дворником – мой участок в двух кварталах отсюда. – Майя в упор смотрит на него бесстрастным взглядом. – Да, представляешь – я сегодня сидела с тобой и твоими друзьями за одним столом, но при этом – вот ужас-

то, я работаю дворником в местном ЖЭКе на полставки. Еще на полставки таскаю тележки возле супермаркета и чищу тамошние урны от мусора. А еще я убираю подъезды в двух домах и торгую на интернет-аукционе разным хламом, который приносят мне местные бомжи, и...

– Майя, остановись. – Матвеев подошел к ней и взял за плечи, пытаясь заглянуть в глаза. – Ты расстроена, ты устала и говоришь глупости. Мне совершенно безразлично, кем ты работаешь... то есть не безразлично, конечно, но не в том смысле... черт, совсем запутался, но ты понимаешь. И если это не торговля человеческими органами и не проституция, то остальное нормально. Я ведь просто поинтересовался, откуда ты знаешь убитую. И мне непонятно, что она делала в подвале твоего дома.

– Нечего ей было там делать. – Майя уже взяла себя в руки и подняла взгляд. – В том-то и дело, что ей там абсолютно нечего делать. В подвале оборудованы так называемые секции для угля. Когда-то в доме было печное отопление, и у каждого жильца в подвале имелась своя секция для угля и дров. Это такая кладовка, запирается на ключ. Сейчас жильцы там держат картошку, консервацию разную, хлам всякий, а я в своей храню, кроме картошки, еще и тележку, и прочий инструмент, необходимый для работы. Потому что если держать его там, где хранят все дворники, то нормальный инструмент запросто подменят на ломаный и тележку тоже могут подменить, потом придется скандалить, чтобы вернуть обратно, а нарываться на конфликт я не хочу. В общем, это совсем не те подробности, которые могут тебя интересовать.

– Я сам решу, что меня интересует. – Матвеев, задумавшись, взъерошил волосы. – И что там делала убитая?

– Понятия не имею. Повторяю: ей нечего было здесь делать. Живет... жила она отсюда далековато, подругами мы не были – так, здоровались при встрече, но никаких разговоров никогда не вели. Я ничего о ней не знаю, кроме того, что она была жуткая неряха, не следила за зубами и иногда уходила в запой.

– Тогда, возможно, то, что ее нашли в твоём подвале, никак с тобой не связано.

– Это со мной не может быть связано. – Майя устало прикрыла глаза. – Максим, я изо всех сил пытаюсь выжить, понимаешь? Я работаю дворником, потому что мне дали жилье и потому что после семи-восьми утра я бываю совершенно свободна. Я бегу в супермаркет, там с Лилькой таскаю тележки, у меня есть скидка на тамошние товары – тридцать процентов – а это не что попало. И потом я могу заниматься остальным: убираю в подъездах, отправляю товары, которые покупают у меня свихнувшиеся коллекционеры хлама, бегаю на курсы, а вечерами перевожу технические тексты и пишу статьи на заказ. Понимаешь? Я пытаюсь выжить, и пока мне это удастся, как видишь. И мне совершенно не хочется быть замешанной в убийстве, у меня нет времени бегать в полицию и объяснять этим садистам в погонах, что я ни при чем в этой странной истории. Понимаешь? Ведь им очень желательно раскрыть, типа, по горячим следам, а для этого всего лишь требуется повесить убийство на меня.

– Да почему на тебя?

– А на кого? – Майя смотрит на него взглядом, полным отчаяния. – Ну, не старухи же убили ее, они Светку даже не знали. И не их сыновья-дочери-невестки-внуки, у них уважаемая работа в уважаемых офисах. А я дворник, вообще никто, бывшая детдомовка.

– Ты сирота?

– Представь себе. Выросла в интернате. Так кого удобнее представить в роли убийцы, а если учесть, что я знала убитую и остальные никак с ней не связаны...

– Этого ты не можешь точно знать.

– Конечно, не могу. Но вот ведь какая штука: дверь в подъезд закрывается на замок – значит, как-то она вошла, кто-то ее впустил, понимаешь? Ключ есть только у тех, кто здесь живет, а кроме меня, в подъезде живут четыре уважаемых семьи. Хотя иногда старухи уходят, оставляя дверь открытой – подпирают ее камнем, чтоб не закрывалась, потому что пока сидят, иногда ходят домой то за тем, то за этим, потом расходятся, а дверь остается открытой,

сколько раз я закрывала ее, не счесть. Но все равно странно это. Что Светке понадобилось в подвале?

– Думаю, со временем это выяснится, а по поводу остального я считаю, что ты напрасно переживаешь. Любой из жильцов мог теоретически впустить убитую в подъезд, заманить в подвал и стукнуть по голове. Или как там ее убили?

– Не знаю. – Глаза у Майи становятся растерянными и испуганными. – Я не спросила у того, что протокол писал... он только и спрашивал, где я была и с кем.

– Таких вопросов пугаться не надо, он у всех это спрашивал – такова процедура. Если точно выяснить время смерти, то можно с точностью установить, что ты находилась в другом месте и никак не могла убить ее, да и вообще – ты здесь ни при чем. – Матвеев берет ее ладонь и сжимает. – Майя, ты целый день была в компании многих людей, причем людей уважаемых, показания которых никто не поставит под сомнение, а значит, все твои передвижения можно с легкостью отследить, и когда бы ни была убита эта женщина, повесить убийство на тебя будет невозможно. А после того, как с полицией пообщается адвокат, которого я уже вызвал на завтра, и вовсе беспокоиться не о чем. Успокойся и постарайся обо всем забыть. Я позабочусь, чтобы полиция не досаждала тебе.

– Почему?

– Потому. – Матвеев отвел взгляд. – Просто потому, что так надо.

– Почему?

– Я так решил. Мне позвонить нужно, подожди.

Матвеев достал из кармана сотовый и нашел в списке контактов телефон Паши Олешко. Его начальник службы безопасности – человек очень предприимчивый, когда нужно решить неприятные вопросы.

* * *

– Вот это странно.

Павел озадаченно смотрит на экран компьютера. То, что он видит, никак не стыкуется с тем, что он уже знает. Скобликова Майя Петровна, тридцать два года, воспитанница торинского интерната, выпускница кулинарного профтехучилища, родители неизвестны. В четырнадцать лет привлекалась к уголовной ответственности за участие в магазинной краже, отделалась условным сроком, судимость давно погашена, после этого в поле зрения правоохранительных органов не попадала. И все бы ничего, если б не два момента: лицо, глядящее на него с экрана компьютера, – совсем не то лицо, что он сегодня с удивлением рассматривал весь вечер. Несмотря на маскировку, на то, что женщина, сидящая рядом с ним, старалась смотреть куда угодно, только не в глаза собеседнику, его не обманули длинная челка и опущенные ресницы. Ну, допустим, что фотография в базе старая и из гадкого утенка неожиданно-негаданно вырос лебедь. Такое случается не часто – но допустим.

А вот отпечатки пальцев не меняются.

И сравнительная характеристика тех отпечатков, что он сегодня снял со стакана гостьи, с отпечатками в базе говорит об одном: женщина, которая вечером уехала с шефом и уже косвенно попала в неприятности, – не Майя Скобликова.

– Кто же ты?

То, что шеф заинтересовался ею всерьез, Павел понял раньше, чем сам Матвеев. Он сидел рядом с гостьей и осторожно рассматривал ее. И откровенно веселился, глядя на то, как Майя и Матвеев старательно не смотрят друг на друга, сидя по разные стороны стола. Но уже через полчаса наблюдений Павел точно знал одно: кем бы она ни была, эта Майя, так понравившаяся шефу, но она не разнорабочая в супермаркете, и не маникюрша. Эта женщина прекрасно знает, как вести себя в обществе, а то, как она пользовалась приборами, говорит о

том, что она не раз и не два бывала на званных обедах в хороших домах. И никакие рассказы о том, что она в супермаркете таскает тележки, а в свободное время осваивает профессию маникюрши, не отменили того факта, что гостя уверенно держала вилку для устриц, не перепутав ее с вилкой для омаров.

А потому, когда она ушла с Матвеевым, Павел стащил ее стакан и спрятал в своей машине. Он должен был знать, что за птица нарисовалась рядом с шефом, потому что в случайности не верил. Матвеев разрабатывает ответственный и большой проект, который сулит шестизначную прибыль – и вдруг, как по шучьему велению, появляется дама, которой Макс увлекся с полоборота, чего с ним вообще никогда не бывало, а ведь он знает шефа почти пять лет.

Олешко сбрасывает из своего телефона в компьютер фотографию, которую он тайком сделал сегодня вечером, и включает программу распознавания лиц. Без особой надежды на успех, конечно, – база программы сравнительно невелика, всего каких-то двадцать миллионов лиц, но для очистки совести... А пока можно и кофе сварить – вечер, похоже, перестал быть томным.

Компьютер пискнул, Павел поставил чашку на стол и посмотрел на экран.

– Не может этого быть.

Он уставился на экран и не верит ни компьютеру, ни своим глазам, но факт остается фактом.

– Не может быть.

Лицо, глядящее на него с экрана, иногда мелькало в светских хрониках, но не часто, эта женщина всегда держалась в тени. Фотография в базе – один из последних ее снимков. Челка убрана, высокий лоб, брови вразлет, светло-русые волосы подняты в замысловатую прическу, зеленые глаза на смугловатом лице широко распахнуты, в них обещание, и страсть, и нежность. Золушка, встретившая принца. Красивая сказка, дарящая надежду, сбылась в жизни.

Но этого просто не может быть.

Ирина Марьина, жена бывшего владельца холдинга «Гермес», объединившего несколько банков, крупных рекламных агентств и печатных изданий, одного из крупнейших игроков на очень специфическом рынке. Ирина Марьина, жена Леонида Марьина, трагически погибшего в горах во время катания на лыжах, очень известного, очень богатого и, похоже, очень неплохого человека. Четыре года прошло с его смерти, и жена пережила Марьина ненадолго. Множество слухов ходило вокруг этих событий, но слухи – они и есть слухи. А в сухом остатке оказался один факт: около трех лет назад Ирину Марьину сбила машина. Водителя так и не нашли. Как она оказалась одна на темной улице – об этом тоже ходили слухи, но осторожные. Она избегала публичности при жизни, ее мало кто знал, она не была замешана ни в каких скандалах, так что люди посудачили и забыли.

– Вот так начнешь изучать фамильные портреты – и уверуешь в переселение душ. – Павел вспомнил слова великого Холмса и рассмеялся. – Да, история...

Он взглянул на часы, немного подумал и набрал номер Панфилова.

* * *

– По-моему, ты слишком быстро делаешь выводы. – Валерия смотрит на мужа сердито, потому что знает, что он прав. – Они познакомились только сегодня, и она очень молода.

– Лерка, не спорь. – Панфилов посмеивается, видя раздражение жены. – Просто прими это как свершившийся факт – Макс влюбился, и неважно, что они мало знакомы – познакомятся еще. И Майя не так молода, как кажется. Ей лет тридцать пять – тридцать семь, хотя выглядит она лет на десять моложе. И тем не менее. А самое главное – наш Макс ей тоже нравится, и это хорошо. Давай бросай чистить перышки, иди сюда – я устал и соскучился.

– Устал и соскучился – это значит, сейчас уснешь? – Валерия фыркнула. – Отличная перспектива.

– Я, конечно, в итоге усну, но не сейчас. А завтра я дома буду работать, не поеду в офис, разве что возникнет какой-то очень срочный вопрос. А отличный получился у нас праздник, Лерка!

– У нас! – Валерия смеется. – Ника все организовала, вечный двигатель какой-то, а не подруга. И мамы постарались – и тетя Стефа, и тетя Лида. А я так, сидела сложа руки, как королева.

– Ты и выглядела королевой.

– Лысец. – Валерия смотрит на отражение в зеркале. – Хотя прическу жалко разбирать – Майю мне сегодня боги послали, не иначе. А лучше всех, пожалуй, выглядела Ольга Витковская. Вот кто элегантен в любом наряде, хоть мешок на нее надень. Малышки у нее очень живые.

– Броуновское движение какое-то. – Панфилов улыбается, вспоминая возню малышей. – Наши-то еще самые спокойные.

– Ага, спокойные... Максимка едва торт не опрокинул, Ника чуть разрыв сердца не получила!

– А торт получился отменный.

– Да, но слишком красивый, чтобы жить. – Валерия потянулась. – Я обалдела, когда увидела его – котенок, башня, все эти цветы...

Дверь скрипнула – в комнату, ступая мягкими лапами, зашел рыжий кот. Шерсть у него лоснилась в свете ночника, а на мордочке было написано ленивое удовлетворение.

– Ричи, где пропадал, бродяга? – Панфилов с удовольствием смотрит на круглую хищную морду, кот прыгает к нему на кровать, и хозяин гладит его спинку. – Ишь, раздобрел ты, брат, не на шутку.

– Я пыталась посадить его на диету, но Ника заявила, что это котохульство.

Они оба тихо захохотали, это слово смешит их постоянно, как и Никины теории о духовном, интеллектуальном и эстетическом превосходстве расы кошек над людской.

– Ника его сегодня весь день чем-то вкусеньким кормила, и у тети Стефы он что-то питательное наколядовал, к гадалке не ходи. Думаю, тетя Лида тоже дрогнула. Так что кот сегодня, мягко говоря, не голодал, а вот вечером я его и не видела.

– Чем больше в доме детей, тем надежнее прячется Ричи. – Панфилов почесал кота за ушком. – Урчит, как трактор. Быстро растет – помнишь, каким его Ирка притащила? Кроха совсем, в кулаке помещался.

– Еще бы мне не помнить, сама этого поганца из пипетки кормила.

Валерия садится на кровать и тоже гладит шелковистую шерстку Ричи, а он урчит и подставляет ей брюшко.

– Ну, это уж высший знак королевского доверия. – Панфилов осторожно гладит кота. – Что-то есть в Никиной теории, скажи? Вот с чего мы, вместо того чтобы заниматься чем-то интересным, вдвоем ублажаем этого пушистого паршивца?

– Потому что мы живем для того, чтобы он был здоров, красив и счастлив. Спроси у Ники, она подтвердит.

Они снова хохочут, а кот, фыркнув, спрыгнул на пол и растянулся посреди ковра. Несмотря на прелести вольной жизни, он предпочитает ночевать в спальне у своих людей.

Два года назад Ирка привезла его из Красного Маяка – у трагически погибшей кошки остался выводок из четырех двухнедельных котят. Осиротевшую малышку разобрали сотрудники завода, а Ирка, подоспевшая к раздаче сирот, обзавелась пищущим рыжим комочком, полуслепым и настолько маленьким и хрупким, что было непонятно, в чем только душа держится. Они все вместе выходили его, выкормили из пипетки, и сейчас, глядя на крупного силь-

ного кота, трудно представить, каким крохой он попал к ним в дом. Это их общий кот – они тогда только-только официально оформили отношения, Ричи стал первым семейным приобретением. И он платит им всем горячей преданностью, конечно, так, как он сам ее понимает.

Из соседней комнаты послышались возня, сопение, недовольное хныканье.

– Максимка проснулся.

Они по голосам отличают близнецов, к тому же Максим всегда спит гораздо беспокойнее, чем сестра.

Они вдвоем направились в детскую. Конечно, когда близнецы подрастут, у них будут свои комнаты, но пока для них оборудована спальня, вход в которую – только через родительскую почивальню, и никак иначе.

Две кровати стоят рядом, голубая и розовая. Панфилов подошел к голубой и взял малыша на руки. Тот сразу успокоился и засопел ему в ухо.

– Водички сыну дай.

Валерия подает мужу бутылочку с водой, Панфилов поит малыша, укачивает его.

– Все, спит. Ты иди, Лера, я уложу его и вернусь.

Иногда он думает, что до Валерии у него и жизни толком не было. Он силился вспомнить, что особенного было в его жизни до ее появления и детей, – и не мог. Дни, складывающиеся в месяцы и годы, казались ему одинаковыми. Он боялся вспоминать свою пустую питерскую квартиру и несмотря на час драгоценного времени, требующийся на дорогу, старался каждый вечер ночевать со своей семьей, а иногда и вовсе работал дома, чего ранее за ним не водилось, – прежде он жил в офисе. Сейчас он здесь со своей семьей, а в его питерской квартире живут Ирка и Марек, поступившие в питерский университет. Пока Марек жил один, его совершенно не заботил интерьер, но когда приехала Ирка, первым делом она переделала там все по своему вкусу, оставив нетронутыми только его и Марека спальни.

Уложив ребенка, он вышел из комнаты, едва не споткнувшись о кота, который, недовольно мяукнув, прошел мимо него к детям. Панфилов знает – Ричи никогда не сделает ничего, что повредит малышам. Вот и сейчас кот подошел к одной кровати, ко второй – Панфилов знал, что он сначала всегда подходит к кровати дочери – а потом запрыгнул в кресло, стоящее в углу, повозился, укладываясь, и затих. Это значит, что спать он сегодня изволит с детьми.

– Пост сдал? – Валерия уже расчесала волосы, и они свободно падают на плечи. – Не захотел Ричи с нами остаться.

– Он с нами. С нами всеми. – Панфилов тронул локон жены. – Но кот не может разорваться на части. Побыл здесь – пошел к детям. Он считает, что они больше нуждаются в его защите.

– Я склоняюсь к мысли, что все эти шуточные котозаповеди – чистая правда. Вот эта, например: все, что делает кот, – правильно. Ирка его к себе зазывала – побыл немного и ушел. – Валерия поднялась и подошла к окну. – Сань...

Он подошел к ней и выглянул в окно. Луна висела над озером, огромная и близкая. Запах Валерии, такой знакомый и привычный, как прежде, волнует его, и радость обладания не померкла за эти два с половиной года. Это его женщина, и она всецело принадлежит ему, как и он – ей. Важно это, а остальное так. И будет ночь, и день, и будет что-то новое – но вот это не изменится никогда. Это его дом, его дети и его женщина. И больше ему, пожалуй, ничего и не надо.

Завибрировал телефон. Досадливо хмыкнув, Панфилов потянулся за ним через плечо Валерии.

– Сань, кто там еще? – Она лениво взяла халат. – Десятый час...

– Олешко. – Панфилов нажал на кнопку приема звонка. – Да, Паш, слушаю тебя.

Валерия набросила на себя халат и пошла в ванную. Слушать служебные разговоры мужа она не считала лишним, да и скучно это. Если что-то интересное или важное, Панфилов сам

расскажет, а рутина ей не нужна, да и говорить в ее присутствии, возможно, не очень удобно – Валерия понимала, что у ее мужа сложная жизнь, и вопросы тоже бывают... всякие. Видимо, что-то все-таки случилось, раз Паша Олешко позвонил сейчас, зная, что дети спят, и Панфилов устал.

Вода окутала ее, и Валерия улыбнулась своим мыслям. Вспоминая праздник, возню малышей, веселье гостей, она думала о том, как счастлива в своем доме, со своей семьей, ведь приехавшая на праздник Ирка тоже сейчас здесь – спит в своей комнате. И все хорошо, праздник действительно удался...

– Лерка, ты долго там?

Она выглянула из душевой кабинки. Панфилов сидел на краешке ванны, и вид у него был растерянный.

– Сань, случилось что?

– Не знаю даже, как и сказать. – Глаза у мужа какие-то беспомощные, а голос звучал озадаченно, и Валерия выключила воду и вышла из кабинки. – Тут Пашка такое нарыл... ты не поверишь!

6

Майя тащит тележку на участок и злится. Из-за того, что Светку убили, ей придется убирать и ее участок, а это время, и немаленькое. Надо вставать раньше на полчаса как минимум. Но Татьяна Васильевна просила, а ей Майя отказать не может.

– Это временно, пока другого дворника найдем. – Татьяна Васильевна вздыхает. – Всего недельку, а если не найдем на ее место другого, то Людка тебя сменит, она тоже рядом работает.

– Ладно.

И вот Майя бредет на Светкин участок, думая о том, что надо бы увольняться из ЖЭКа, хватит этой работы, можно другую найти. И документы у нее теперь все в порядке, и прочее. В общем, пора это дело бросать.

Майя старается как можно скорее прибраться соседний участок – благо мусора немного. Неделя – не так долго, можно продержаться. Тем более что действительно – все рядом, идти недалеко. Майя старается не думать о трупе в контейнере – да мало ли что случается, люди совсем озверели.

– Майка, эй, Майка!

Она поворачивает голову – около детской горки стоит мужик. Майя в предзакатных сумерках не слишком отчетливо видит его лицо, но голос узнает сразу.

– Чего тебе, Макар?

Она знает всех окрестных бомжей. Благодаря им она не шарит по контейнерам с мусором – они это делают за нее, принося ей разные вещи, которые выбрасывают жильцы. И чего только не выкидывают люди! Но у Майи есть жесткий критерий того, что ей нужно, и ее помощники археологи отлично знают, что именно представляет для нее ценность.

– Светку-то убили...

– А то я не знаю. – Майя в сердцах энергичнее заработала метлой. – Вкалывай теперь за двоих, когда еще замену найдут...

– А до этого в баке труп нашли.

– Макар, скажи мне что-нибудь, чего я не знаю. – Майя старается держаться подальше от собеседника. – Ты чего хотел-то?

– Я видел той ночью кое-что...

Майя пожимает плечами. Какая разница, что он видел?

– Ты полиции расскажи.

– Не, Майка, мусорам я ничего не скажу, не в масть. – Макар вздыхает. – Я в теремке спать наладился – душно пока в подвале-то... а он, значит, бежит...

– Кто? – Майя без особого интереса слушает рассказ. – Что тебе приснилось?

– А ничего мне не приснилось. – Макар от обиды даже засопел. – Вредная ты девка, Майка, хоть и красивая, а вредная. Наши все тебя боятся – говорят, что ты ведьма.

– Ну, и что? Ведьма так ведьма, зато плачу вам всем исправно.

– Что да, то да, платишь по-честному, никто не в обиде. – Макар сел на скамейку. – Все корячишься на работе... Так я вот об чем толкую. Видал я, как он бежал – проснулся от того, что он о скамейку в темноте споткнулся. Бежал и оглядывался постоянно. Потом куртку бросил, сумку тоже. А потом они его догнали...

– Кто – они? – Майе неприятен этот разговор, но ссориться с Макаром она не хочет. – Ты толком-то говори.

– Двое. Одного знаю, второго никогда не видел. – Макар хмыкнул. – Нет, Майка, мусорам я ни за что не скажу, а только видел я, как они его...

– Зарезали?

– Не, застрелил его тот сукин сын. Но тихо так, хлопок – и все. Глушитель на пистолет навертел, не иначе. Потом они его оттащили и что-то искали, подняли сумку, шарили там, куртку его нашли, в карманах рылись... Куртку бросили, сумку забрали, трупешник в бак затолкали и ушли, а я с перепугу через пять дворов бежал. Даже куртку брать не стал, мало ли узнает кто. Светка, видать, ее подобрала. Лучше б сам взял, хорошая была вещь, добротная. Я тут смотрел потом, но больше ничего не нашел.

– Шел бы лучше работать. – Майя собрала мусор в совок и уложила в тележку инструмент. – Вот на Светкино место и шел бы. Комнату бы тебе выделили...

– Скажешь тоже. – Макар снова засмеялся. – Не, Майка, кто понял жизнь, тот работу бросил. Вот ты надрываешься – а ради чего, если подумать? Ведь вот какая штука: меня все эти, что здесь живут, в грош не ставят, потому что я бомж. Ну их как бы и понять можно. Но ведь и тебя точно так же они в грош не ставят, потому что ты убираешь дворы. И чем ты от меня отличаешься? Или Светку покойную возьми – так и померла в подвале. Но она хоть выпивала, радость в жизни имела какую-то, а ты ведь и не пьешь даже... Хотя я, конечно, уважаю тебя за такую линию. Баба, когда она пьющая, это не дело. Ладно, Майка, заболтался я тут с тобой.

– Так кого ты видел-то, чучело огородное?

– Ээээ, нет, девка, не скажу. – Макар хитро прищурился. – В такое дело не надо никому быть замешанным, меньше знаешь – крепче спишь. Это я тебе только, но ты не болтай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.